

Северный Колосс Предвестие Бури

Алексей Власов



Власов Алексей

**Северный Колосс.
Предвестие Бури**

«Издательские решения»

Алексей В.

Северный Колосс. Предвестие Бури / В. Алексей —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934223-2

Волей судьбы граф Халладен оказывается втянут в жестокое противостояние с островным королем. Вынужденный искать союзников, он начинает опасную игру, ставками в которой станут не только его честь и жизнь, но и судьба всего королевства. Но удастся ли графу переступить через собственные чувства, чтобы добиться цели?

ISBN 978-5-44-934223-2

© Алексей В.
© Издательские решения

Содержание

Хроника империи	6
Пролог. Колдовство	7
Хроника Хонтэ	11
Глава Первая. Серебро	12
Хроника Хонтэ	20
Глава Вторая. Герцог	21
Хроника Деуса	31
Глава Третья. Вопрос цены	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Северный Колосс. Предвестие Бури

Власов Алексей

Дизайнер обложки Зорислава Логачёва

Корректор Нина Кустова

© Власов Алексей, 2018

© Зорислава Логачёва, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-4223-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хроника империи

«Северная Империя создавалась в течение сотни лет сражений, смертей и лжи, и еще четыре века росло ее могущество, поддержанное сталью, кровью и фанатичной преданностью Имперскому дому. Для того же, чтобы обратить ее в прах, потребовалось всего пять дней. Очистительное пламя Последней войны навсегда изменило облик мира и развеяло по ветру саму память об Империи, оставив людям лишь слухи, домыслы и обрывки знаний».

Пролог. Колдовство

Бледное лицо властителя обрамляли седые волосы, в беспорядке выбивавшиеся из-под короны. Он сидел на троне, кутаясь в меха и дрожа от холода, пронизывающего до костей – осень выдалась слишком морозной, он чувствовал это и уже не удивлялся, когда приходили вести о гибели урожая и плохом улове. А ведь впереди была зима, и мрачный призрак голода встал перед народом Альвига во весь рост, скаля острые зубы. Островитяне не могли прокормить себя в такие годы – новорожденных оставляли в лесах, обрекая на быструю смерть, забивали скотину, жили впроголодь, и все равно по весне не досчитывались каждого десятого.

В былые времена, когда возникала угроза голода, воины снаряжали корабли и отправлялись добывать себе пропитание на юге, где земли плодородней, а люди – слабее. Где правители готовы платить откуп золотом, вместо того, чтобы защищать свои владения, а мужчины бегут прочь, боясь обнажить оружие. Туда, где одна только весть о приближении хартвигов повергает в ужас целые селения, и жители готовы на что угодно, лишь бы их не тронули.

Вот и сейчас, Альвиг чувствовал, что приближается то время, когда его воины поведут суда не за богатством, а за едой для своих семей, когда вернутся с трюмами гружеными не золотом, а мешками зерна и овощей. Только не он поведет их, ведь раны, полученные в битве с предателем, еще напоминали о себе. Король едва не лишился руки в том бою, и пальцы до сих пор плохо двигались, так что Альвиг едва мог сжать рукоять меча, а быть обузой в походе он не хотел. Вспоминая сражение, король порой хотел бы погибнуть там, а не быть обязанным жизнью сыну, отведшему роковой удар.

– Труби! – Бросил он воину, стоявшему у подножия трона. – Зови моих сыновей!

Тот поднес рог к губам, выдувая тяжелые оглушающие звуки, рухнувшие на устланный соломой пол, вместо того, чтобы взвиться к закопченной крыше большого зала. Королевские сыновья были в доме, и позвать их можно было без рога, но Альвиг хотел, чтобы они почувствовали торжественность момента и явились как можно скорее.

Опершись здоровой рукой о подлокотник трона, он медленно поднялся во весь рост, оправляя мантию – высокий, широкоплечий, хоть и немного исхудавший за последний год. Король был еще не стар, но уже не молод, и чувствовал, что конец его правления близок. Предки правителя чаще гибли в бою в расцвете сил, нежели переживали зрелость, цепляясь за власть дряхлеющими пальцами. И только один король прожил дольше Альвига – Кальдр Пышноусый, объединитель Морозных Островов, однако и он на склоне лет передал власть сыну, лишь помогая советом в тяжелое время. Альвиг и сам собирался поступить так же: объявить Ормвальда новым королем, но боялся, как бы подданные не подумали, что он сделал это в благодарность за спасение жизни, а не потому, что принц достоин занять трон. Потому, король решил отложить это важное решение до весны, постепенно подготовив свободолюбивых островитян к тому, что скоро ими будет править Ормвальд, и назначил сына ландгером Грендерна, чтобы тот тоже привыкал к власти.

– Ты звал, отец?

Могучему Ульвгриму пришлось нагнуться на входе – чтобы сберечь тепло, даже в большой зал вели низкие двери. Второй по старшинству и самый храбрый из сыновей короля, обогнул пустые столы, подходя к трону, и опустил голову. Он более других был похож на отца – и внешностью, и свирепым нравом, и более других был любим королем. Следом за ним появился и Сэмонд, не такой крупный, как брат, но гибкий и ловкий, с неизменной глуповатой улыбкой на лице.

– Соскучились по нам, Ваше Величество, – принц шутливо поклонился, потряхнув соломенными волосами.

– Век бы тебя не видеть, – усмехнулся в ответ король, но тут же его взгляд вновь стал серьезен. – Почему другие ваши братья не пришли?

– Арн на корабле спит, – ответил старший с гордостью. – Настоящий воин вырос. А ублюдок на Хасинге ищет мятежников...

– Называй его по имени! – Раздраженно прервал сына король. – Он твой брат.

– Он Ульвнару брат, не мне, – принц с вызовом посмотрел на отца, однако не выдержал его взгляда и вновь опустил голову, немного пристыженный: – Ты прав, он нашего рода, хоть то мне и не по нраву.

– Сейчас не время для раздора, особенно меж братьями, – немного пожурил его Альвиг, однако гнев его уже прошел. – Настает лютая зима, а с ней голод. Вы и раньше водили рати, теперь же я посылаю вас за пищей для наших людей.

– Найти что-нибудь пожевать голодающим? – Сэмонд похрустел костяшками пальцев. – И это деяние, достойное сынов великого короля?!

Он громко рассмеялся, запрокинув голову.

– Хорошие же песни о нас сложат!

– Если не сделаете этого – то и песни складывать станет некому, – отрезал Альвиг, зло сверкнув глазами – смех принца тут же оборвался. – Вам править этой землей. Идите, у торгашей Келии и Деуса есть, чем поживиться! Они утопают в роскоши, когда мы умираем с голода. Так пусть вспомнят о хартвигах!

– И еще сто лет не забудут! – С жаром прорычал Ульвгрим. – Я вернусь с трюмами, полными еды, а за собой оставлю выжженную землю, волчью сыть и женский плач!

– А я, пожалуй, еще и обрюхачу этих стенающих баб, – на губах Сэмонда вновь появилась кривая усмешка.

– Все бы тебе ублюдков плодить, – старший брат поморщился, однако младшего это нисколько не задело:

– Кому-то ведь надо этим заняться, когда мы всех мужиков их порежем.

Король и Ульвгрим в такт осуждающе покачали головами:

– Пойду, соберу хорниров, – произнес принц и, хлопнув брата по спине, добавил: – Когда кончишь гоготать, догоняй – с рассветом выходим.

Сыновья ушли, и король медленно опустился на трон, чувствуя подступающую усталость – разговор вымотал его сильнее, чем в былые годы битва. К тому же, на сердце осталась горечь: Сэмонд вел себя, точно шут, а Ульвгрим не желал признавать кровных братьев. Альвиг боялся умирать, пока не увидит, что Ормвальд крепко взял в руки власть, потому как иначе на островах могла разразиться новая усобица, еще более кровавая, нежели мятеж Огнебородого, ведь нет войны страшнее, чем та, где брат идет на брата.

С возвышения, на котором стоял трон, король пнул, заснувшего было стража:

– Подставь плечо, – из-за слабости, порой сковывающей его тело, Альвиг стал сварливым и не сдержанным. Ему хотелось выплеснуть накопившуюся злость, но рядом были только друзья и слуги. Он спустился с трона, опершись на юношу, и тут же оттолкнул его: – Пошел вон, сам управляюсь!

Пальцами здоровой руки Альвиг сжал посох, с гулким стуком направившись вглубь большого дома. Челядь, слышавшая приближение короля, старалась не показываться ему на глаза без нужды, а старику сейчас не было необходимости их звать. Миновав узкий коридор, правитель вышел к запертой комнате, возле которой стоял, опираясь на копьё, стражник.

– Государь! – Выпрямился юноша, как только увидел Альвига.

«Молодой, еще и бороды нет, а я приказывал опытного ставить».

– Она жива еще? – Раздраженно бросил король, недовольный, что командир стражи посмел нарушить его приказ.

– Да, мой король, – с готовностью выпалил воин. – Сегодня еду ей приносили, так взяла и все съела. А, правда, что она ведьма?

– Она – ваша королева, – холодный взгляд Альвига заставил наглого юнца прикусить язык. – Пока еще. Открывай.

Страж поспешил исполнить приказ, боясь, как бы правитель не наказал его, и торопливо отодвинул засов, а затем с явным усилием навалился на дверь, едва сумев ее открыть. Альвиг невольно усмехнулся в бороду – крепкий мужчина с трудом вошел внутрь, а он все боится, что из этого заключения сможет сбежать хрупкая женщина.

Выгнав стража, король сам поместил факел в кольцо на стене, освещая тесное помещение. Вигдис, увидев его, вжалась в угол, прикрывая глаза от огня обрывками того жалкого рубища, что было на ней надето. Альвиг с отвращением отвел взгляд – в грязном существе, что сидело на подстилке у стены, не было ничего, даже отдаленно напоминающего женщину, которую он взял в жены двадцать лет назад. Взял с годовалым ребенком, признав его своим сыном, столь велика была сила его любви тогда, и столь же велики были горечь и презрение короля сейчас. Для всех, кроме него, королева была мертва вот уже несколько лет, с того дня, как помутилась рассудком, из любящей жены и хозяйки обратившись в безумную ведьму, покровительницу мерзких колдунов, стекавшихся ко двору Альвига со всех концов страны.

Отчасти, король все еще винил себя за ее недуг, ведь это он так хотел детей, а жена, подарив ему троих здоровых ребятшек, еще трижды разрешилась от бремени мертвыми младенцами. В первый раз она была безутешна и рыдала ночи напролет, умоляя Создателя сказать, за что он так жестоко ее наказал – но не получила ответа. Когда же это случилось во второй раз, Вигдис хотела броситься со скалы, однако служанки не пустили ее, и тогда королева несколько дней ничего не ела, пока Альвиг не отдал приказ кормить ее насильно. В третий же раз, почувствовав, что скоро придет ее время рожать, женщина стала искать любой способ спасти свое дитя, каким бы ужасным он не был. Двор правителя наводнили колдуны и целители, обещавшие Вигдис благополучное разрешение от бремени, кормившиеся у королевского стола и получившие дорогие подарки. Все эти люди были настолько омерзительны Альвигу, что он покинул собственный дом, путешествуя со свитой по островам и останавливаясь у приближенных, пока в самом сердце его страны набухал клубок ядовитых змей, пригревшихся на груди у королевы. Когда же Ормвальд избил и выбросил нескольких чародеев за ворота, мачеха расцарапала ему лицо и едва не вырвала глаза, крича при этом, что он хочет убить ее нерожденного сына.

Их заклинания и обряды не помогли, младенец все равно родился мертвым, но колдуны, чувствуя, что их власти пришел конец, внушили Вигдис мысль, что ребенка еще можно вернуть к жизни. Король прибыл как раз вовремя, чтобы застать проведение мерзкого ритуала, и пришел в ярость, увидев, задуманное супругой: во дворе дома кровью были начертаны колдовские символы, какой-то карлик в звериной шкуре потрошил у забора корову, бормоча непонятные слова, еще двое колдунов, измазав лица кровью, вопили заклинания, точно стараясь переорать друг друга. Поначалу Альвиг даже не поверил глазам, отказываясь признавать, что такое возможно в его доме, но мороки не исчезали, и хуже того – готовились принести в жертву нескольких слуг, а каменный нож держал в руке его пасынок Зигстейн.

«Не хочу, чтобы они жили», – прошептал король в тот миг.

И воины, и слуги, казалось, ждали только этого приказа. Прикормившихся на беде Вигдис мерзавцев растерзали прямо во дворе, а останки бросили свиньям. Тогда же Альвиг объявил, что у него нет более жены, и заточил ее подальше от людских глаз, туда, где она должна была доживать свой век в темноте и одиночестве. Зигстейна, жаждавшего приобщиться к колдовским таинствам, король изгнал с островов на три года, и тот промышлял набегами, заслужив славу отважного и удачливого воина.

– Пришел... – прошипела Вигдис. – Убийца!

– Молчи, – Альвиг оборвал поток брани, уже готовый сорваться с уст безумной.

Король уже привык, что жена встречает его оскорблениями и проклятиями, да к тому же обвиняет в смерти их последнего ребенка. А ведь, если бы действительно был способ оживить его, правитель не колеблясь пожертвовал бы многими жизнями, но то, что предлагали Вигдис колдуны, было обманом, и он видел это, а потерявшая разум женщина – нет!

– Брось кости, – велел он. – Хочу знать, что будет.

Была Вигдис ведьмой или нет, но порой она действительно могла увидеть грядущее, и, идя к ней, Альвиг надеялся на доброе предсказание, хотел, чтобы она развеяла его предчувствие надвигающейся беды, куда более опасной, нежели лютые холода и голод.

Повинуясь его приказу, узница раскинула на холодном полу кости, поочередно дотрогнувшись до каждой, и пронзительно рассмеялась:

– Вижу! – Возвестила она. – Скоро сыновей лишишься, король! И то будут не мои сыновья! Нет, не мои!

– Замолчи! Закрой грязный рот! – В сердце Альвига словно кинжалы вонзились. Пошатнувшись, он схватился за дверь, едва не упав, и стал стучать, чтобы страж выпустил его, а в ушах все еще звенел злорадный смех Вигдис, и глаза затянула непроглядная мгла.

Король очнулся в своей постели, укрытый несколькими шкурами, а в окно ярко светило солнце.

– Люди! Люди, сюда! – Закричал он слабым голосом. – Позовите моих сыновей!

– Государь, – прибежавший слуга виновато опустил голову: – Вы были в забытьи. Принцы уже два дня, как отплыли.

Хроника Хонтэ

«В лето пять тысяч шестьсот семьдесят восьмое от сотворения мира, над морем было знамение огненное, ярким лучом озарившее ночную тьму, следом же звезда пылающая была низвергнута с небес, заставив хладные воды, в кои упала она, вскипеть. В том узрели светлые отцы гнев Создателя, но не разглядели предупреждения Его. А после корабли под багряными парусами пришли к нашим берегам, и страна наша наполнилась болью и ужасом. Невозможно ни поведать, ни перечесть, сколько претерпели хонтэйцы мучений, тягот и издевательств от этого войска северного – безжалостного, злобного, чужестранного. Было им дано имя – хартвиги, жестокосердные воины, во главе же кровожадной орды этой стоял Халлад Череполом, тот, к кому возводили свой род будущие императоры севера».

Глава Первая. Серебро

Шум прибоя сделался невыносимым этой ночью. Разразившаяся буря обрушивала могучие волны на выдающийся из общего массива суши Утес Кинжала, подобно нерадивому командиру, бросающему войска в безнадежную атаку. Крепость на вершине утеса стойко выносила удары бесчинствующей стихии – для того она была построена, чтобы сдерживать не только вражеские рати, но и жестокую ярость северных штормов. В блеске молний и раскатах грома, ураган врвался в окна цитадели, сдирая плотные занавеси и гобелены, сбивая с ног слуг и воинов, спешивших укрыться от непогоды в подземелье.

Среди этого безумия, невозмутимый словно статуя, возвышался исполин, со спокойной улыбкой наблюдавший из окна за бушующими волнами, гремящими у подножия утеса.

Граф Торас Халладен, правитель этих земель.

Ему, единственному, доставляло удовольствие бросать вызов беспощадной стихии и, раз за разом, одерживать над ней верх. Ветру не под силу было даже на шаг сдвинуть могучего властителя, не то, что свалить на пол – рослый, широкоплечий Торас, казалось, явился из древних легенд, где люди были подобны богам. В те редкие мгновения, когда бледное лицо графа освещала вспышка молнии, он более всего походил на воинственного бога, чье единственное предназначение – вести в бой неисчислимы рати.

Зоркие глаза великана различили в бушующем море обреченный корабль, ставший игрушкой во власти волн и урагана. Беспомощное суденышко несло прямо на прибрежные скалы, и Торасу казалось, что он слышит истошные вопли терпящих бедствие моряков. Они, несомненно, были храбрецами или безумцами, раз решились выйти на море в такое время.

Если это торговцы, значит, у рыбаков поутру будет знатный улов, отметил граф, продолжая наблюдать, как отчаянно борется за жизнь экипаж крохотного кораблика. Уже дважды его накрывало волнами, прочь уносились обрывки парусов и обломки мачт, но отважные люди не сдавались, и это невольно вызвало в глубине души Тораса уважение. Он решил, как только шторм уляжется, послать людей на берег, чтобы найти выживших. Более смотреть на обреченных графу не хотелось, они напоминали о том, что человек бесконечно слаб перед лицом стихии, каким бы сильным он не был.

Волны успокоились лишь перед рассветом, выбросив на песок обломки погибшего судна – последней и, быть может, единственной жертвы шторма. И сразу же к месту кораблекрушения прибежали крестьяне, вооруженные баграми и крючьями. В этой суровой земле любые дары моря принимались с благодарностью, тем более что сам граф дозволил местным жителям забирать себе все, что они смогут найти на берегу. Для бедных людей, какими были эти рыбаки и крестьяне, любая находка могла стать хорошим подспорьем, чтобы пережить зиму – что-то удавалось продать в замке, что-то обменять на зерно или даже мясо.

Бородатый здоровяк, прибежавший первым, уже спешно стаскивал с найденного утопленника куртку из оленьей кожи. Ему самому, конечно же, она бы не подошла, но он уже оценивался, за сколько возьмет ее портной на рынке. А ведь у покойника еще были высокие кожаные сапоги, почти не пострадавшие в шторме, и детина как раз начал его разувать, когда услышал торопливый окрик сзади:

– Эй, эй-эй! Один сапог мой!

– С чего бы вдруг? – Повернувшись, бородач хмуро взглянул на наглого односельчанина – тот был на голову ниже, лысоватый и худощавый, вряд ли он стал бы даже пытаться присвоить сапоги силой.

– Ты еще с того года меру зерна должен, и сети моя тебе поправляла.

Говоря так, рыбак подходил ближе, не сводя взгляда с заветного сапога.

– Не много ли хочешь? – Зло бросил обладатель куртки.

– Дружба, говорят, бесценна.

Несколько человек остановились недалеко от них, наблюдая за спором, другие – те, что поумнее, уже вовсю собирали дары северного моря. Бородач с явным сожалением во взгляде смотрел, как вещи, которые он мог бы забрать себе, обретают новых хозяев. Наконец жажда наживы в нем одержала верх, он стянул один сапог с мертвеца и бросил его лысому.

– По одному-то сложно продать будет, – прикинул тот. – Слушай, а отдай мне оба – я половину цены тебе верну.

– Забирай, пройдоха, – процедил в ответ здоровяк.

Он, несомненно, хотел добавить что-то еще, но осекся, услышав топот копыт – от графского замка к ним мчались вооруженные всадники. Несколько рыбаков испуганно бросились прочь, другие же собрались кучнее, поудобнее перехватывая багры и дубины для драки. К ним, наскоро спрятав добычу в мешок, присоединился и бородач.

– Все что здесь – наше! – Выступил вперед староста деревни, с вызовом глядя на воинов. – Так граф решил, сто лет как уже.

– То верно, люди! – успокаивающе поднял ладони предводитель всадников.

Жители Северного Предела были вспыльчивыми и свободолюбивыми, подобно своим предкам, что железом и кровью добыли эти земли во владение, раскроив королевство Хонтэ так, что оно превратилось в герцогство. Глупо было бы злить их попусту, да и граф того не одобрил бы. Потому воин ловко спешился, перекидывая плащ через руку, чтобы не замарать дорожную ткань грязью, и добродушно улыбнулся рыбакам, готовым отстаивать свое право кулаками.

– И что же вам здесь тогда надо?

В голосе старосты слышалось неприкрытое недоверие. И года не прошло с того дня, когда граф стал брать с них пошлину за торговлю в стенах его крепости. Тогда люди стерпели, но посягни он на их прибрежную добычу – и вполне мог вспыхнуть бунт.

– Торас Халладен, наш хозяин и господин, обещает щедрую награду, если вы найдете выживших и приведете их в замок, – воин достал горсть медяков из кошель и бросил на песок. – Это вам, чтобы лучше искали.

Стоявший ближе других к монетам, староста рухнул на колени, ладонями загребая и песок, и деньги. Остальные рыбаки бросились к нему, но опоздали.

– Ищите! – Прикрикнул посланник графа. – Получите втрое больше!

На те деньги, что он сулил, могли безбедно пережить зиму несколько семей, и еще осталось бы.

Один из моряков пришел в себя уже на следующий день, ближе к полудню. Всего крестьяне нашли четверых, да и те уцелели лишь чудом, и жизни их могли оборваться в любой момент. Очнувшийся же, едва только нашел в себе силы говорить, принялся извергать проклятия – капитану, выведшему в море корабль, и пассажирам, уговорившим его это сделать. Когда же лекарь спросил, не узнает ли он кого-либо из выживших, моряк указал на седого мужчину, лежавшего в углу комнаты, зло процедив, что именно он виноват в гибели судна.

О том сразу же доложили графу, и Торас велел, во что бы то ни стало, привести старика в чувство. Хозяину замка не терпелось узнать, что же заставило опытных мореплавателей выйти навстречу буре, какая спешность не позволила им переждать ненастье в безопасной гавани. К тому же, судя по парусам, они приплыли с Морозных Островов, а значит, в каком-то смысле были соотечественниками графа. Прирожденные воины и мореходы, люди с Морозных Островов века назад высадились на хонтэйских берегах, принеся с собой смерть и разрушение. Слабый король тогда решил, что проще отдать им часть своих земель, чем лишиться всего в бесконечных сражениях. Так появился Северный Предел, и первым его графом стал Халлад Череполом.

С той поры многое изменилось, но как Халлад был человеком островного короля, так и Торас оставался его вассалом, хоть и владел землями почти вдвое большими, чем все Морозные Острова. Впрочем, нельзя было сказать, что великан сильно тяготился этим, ведь король редко вмешивался в его дела, довольствуясь тем, что Халладен ежегодно отправлял на острова корабль, груженный дорогими подарками в подтверждение вассалитета. К тому же, Торас, в отличие от воинственных предков, поддерживал хорошие отношения с соседями, и вполне мог перейти под руку другого монарха, стать островной король притеснять его свободу. И все же, графу не давал покоя вопрос: зачем приплыл к его берегам обреченный корабль? Связано ли было это появление с Герредом Огнебородым, или же то напрасные страхи отягощенной виной души?

– Господин, – прервал размышления графа слуга. – Старик очнулся и...

– Говори же!

Исполин резко поднялся с кресла, с нетерпением потирая ладони. Он и не надеялся, что островитянин придет в себя так скоро.

– Хочет говорить с вами, – слуга виновато опустил взгляд: – Как узнал, где находится – сразу захотел вас видеть.

– Идем.

Возможно, стоило подождать, и велеть привести старика к нему, когда тот наберется сил, но Торас желал получить ответы без промедления, и оттого поспешил сам увидеть больного.

– Все вон, – приказал граф прежде, чем начать разговор.

Спустя всего пару мгновений в помещении не осталось никого, кроме Тораса и старика, слуги вынесли даже остальных моряков вместе с подстилками, на которых те лежали.

– Ваша милость, какая честь, – надорванным голосом прошептал островитянин, чуть приподнимаясь на локте. – Прошу простить меня, я слишком слаб, чтобы поклониться, и...

Халладен жестом оборвал его тихую речь. Вопросы церемониала сейчас интересовали графа меньше всего.

– Ты плыл ко мне?

– К вам... только к вам, господин, – старик был сильно истощен, и слова давались ему с трудом. Уже одно то, что он пережил шторм, когда погибли куда более сильные и молодые моряки, являлось настоящим чудом. – Вы должны выслушать... меня...

«Он знал о шторме, несомненно знал. И все же решился плыть!»

– Кто ты, старик?

– Гранитный Рольф меня прозвали, – он выдавил скупую улыбку. – Я – рудознатец.

Этого имени граф никогда не слышал, равно, как и не понимал, что потребовалось рудознатцу в его землях, да еще и так срочно, что он готов был поставить на кон собственную жизнь.

– Потрудись все объяснить, Рольф.

– Не подумайте, ваша милость, что я трус какой и только шкуру свою спасал, – при этих словах Халладен невольно улыбнулся – трудно было назвать трусом человека, бросившегося в самое сердце бушующей бури. – О нет, тем я исполнял последний долг перед господином своим... хоть и не хотел я ему служить, а вышло так, что выбирать пришлось. И в выборе своем я не раскаиваюсь.

– Да о чем ты говоришь, старик?

Графу его речь казалась излишне бессвязной, из всего сказанного он сумел понять, что его собеседник связан долгом или клятвой, и потому не шадил своей жизни.

– О серебре, ваша милость, – беззубо улыбнулся островитянин. – О серебре, я ведь рудознатец, каких мало. И нашел я жилу серебряную, богатую жилу. Тебе о том сказать спешил, граф Торас.

– Почему мне? – Теперь уже Халладен был вынужден насторожиться. Слишком странным казалось ему такое совпадение, что чудом выживший в кораблекрушении оборванец

именно к нему плыл, да еще и обогатить желая. Северный Предел, не смотря на доблесть воинов, оставался небогатым краем, и потому новый серебряный рудник мог стать настоящим спасением для накопившего немалые долги графа. – Ведь у тебя же есть король, и семья на островах.

– Нет у меня больше семьи, за то королю спасибо! – В голосе старика звучала неподдельная злоба. – А значит, и короля у меня нет теперь.

Услышав это, Торас положил Рольфу ладонь на плечо и мрачно кивнул. Теперь ему стало многое понятно из прошлых речей рудознатца: и о вынужденном выборе, когда королевские воины убили его родню, и о последнем долге господину. Ведь господином Рольфа был не кто иной, как Герред Огнебородый, могущественный ландгер Хасинга и родич Халладена. Та решительность, с какой старый рудознатец, не щадя жизни исполнял волю хозяина, напомнила Торасу о его собственном малодушии. В кошмарных снах, вот уже полгода, видел граф Герреда, простирающего к нему окровавленные ладони и умоляющего придти на помощь, но правитель Северного Предела бросил его в час нужды.

– Мой господин хотел, чтобы Хасинг принадлежал вам, граф, – продолжил тем временем Рольф. – Только вам, со всеми пастбищами, полями, лесами и бесценными жилами серебра, сокрытыми в его промерзшей земле.

– Верно ли то, что ты говоришь?

– В том могу поклясться, – заверил старик, поманив Халладена ближе, и прошептал: – Помню, то было незадолго до гибели Герреда – он сказал тогда, что будет рад видеть вас своим наследником, если лишится сыновей.

– О, мой добрый Герред, – вздохнул Торас, отстраняясь. – Спи, старик. Нам еще будет о чем поговорить с тобой.

Халладен покинул помещение в раздумьях. Если Рольф говорил правду, то у него не оставалось иного выбора, кроме как заявить Альвигу о своих правах на наследование Хасинга, вот только теперь островом правил Рутгар, любимый зять короля. Но что, если рудознатец лгал, намеренно толкая графа на противоборство с Альвигом? Что, если хитрый старик задумал таким образом отомстить островному королю за гибель семьи, или еще хуже – сам был подослан Альвигом, чтобы получить свидетельства измены графа. Что ж, и на этот случай у Тораса было средство сохранить свои приготовления втайне, и требовалось для этого всего лишь заточить рудознатца до поры, как только он начнет поправляться.

Поначалу, граф хотел даже убить старика, чтобы полностью себя обезопасить, но кто кроме Рольфа мог указать серебряные жилы? А ведь именно серебро более всего влекло Халладена на древнюю родину. Месть и давние обиды были лишь изысканной приправой к основному блюду, в какой-то мере Торас даже был готов удовлетвориться лишь Хасингом и не посягать на другие острова, если конечно король Альвиг будет согласен с такими условиями. Но позволит ли королевская гордость принять их?

Века назад Халлад Череполом был беглецом, за разбой изгнанным с Морозных Островов. Тогда вокруг него, прославленного воина, объединились отъявленные мерзавцы, сорвиголовы и преступники, объявленные на родине вне закона – Флотом Тысячи Бедствий называли воинство Халлада в Хонтэ и Деусе, где он творил бесчинства в течении почти сорока лет. На юге его ненавидели и боялись, на севере – презирали, но тайно, шепотом рассказывали о его победах и завидовали тому богатству, что он добыл. Хартвиги снаряжали корабли, чтобы присоединиться к Халладу, его воинство росло день ото дня, и уже скоро он встретился в бою с королем Хонтином Вторым, слишком поздно осознавшим, сколь велика угроза его владениям. Одержав победу, Череполом раскроил королевство надвое и стал графом Северного Предела, тогда же островной король, видя, сколь могущественным стал изгнанник, объявил, что прощает его. Халлад согласился вновь стать вассалом Морозных Островов, но и он, и его потомки знали, что король лишь терпит их, выжидая, когда они ослабнут и станут легкой добычей.

Воины Халлада поселились в хонтэйских землях, взяли хонтэек в жены, завели детей со смешанной кровью. Стали заслоном от хартвигов, что жили набегами и грабежами. Торас женился на сестре хонтэйского герцога и поддерживал с ним дружеские отношения после ее смерти, а на островах у него был только один родич и друг – Герред Огнебородый, поднявший мятеж против короля и павший в бою.

Вернувшись в свои покои, граф велел подать вина, и только опустошив несколько кубков, он отослал слуг прочь, и процедил:

– Решено.

То, что он задумал, ему самому казалось неосуществимым, больше похожим на глупую шутку – захватить Морозные Острова, родину ледяных ветров, кровожадных зверей и хартвигов, ни разу не терпевших поражения на своей земле, но громивших любого врага, до которого могли доплыть их корабли. И все же, то было раньше, а Торас и его воины – потомки хартвигов и ни в чем им не уступают, к тому же он соберет такую армию, против которой не устоит ни Альвиг, ни те ублюдки, которых наплодил островной король. Все море, насколько хватит взгляда, покроют его корабли, и против каждого врага встанут трое умелых бойцов.

С этими мыслями Торас Халладен уснул, и ему снились корабли, вспарывающие холодные волны Ледяного моря, снились храбрые рати, сходящиеся в смертельной битве с грендами и хорнирами, защищавшими Альвига. Видел он и самого короля, в бессильной злобе наблюдавшего за тем, как его войска теснят от берега, но видение это внезапно сменилось иным – огненной бурей, превращающей леса и долины в безжизненную пустыню, в мгновение ока сметающей города и селения, оставляя за собой лишь выжженные руины. Торасу снились изуверные люди, влачащие существование более жалкое, нежели нищие в трущобах Деуса, ему снились уродливые железные башни, устремившиеся к небесам, а еще – огромный рыжий волк, скалящий зубы. Затем на месте волка возник Герред Огнебородый, протягивающий к Торасу руки, просящий помощи, но прежде чем граф успел что-то сделать, стрела вонзилась в грудь ландгеру, а за ней – еще одна, и чей-то топор отсек Герреду голову, а его борода вновь превратилась в пламя, поглощающее, один за другим, все Морозные Острова.

Халладен проснулся, сбрасывая шерстяное одеяло, точно оно было объято пламенем, и лишь почувствовав холодный ветер, насквозь продувающий его замок, осознал, что все увиденное им было кошмарным сном. В голове было ясно, как если бы он и вовсе не пил прошлой ночью вина (а быть может, слуги вновь разбавили его водой!), и замысел графа теперь обрел четкие очертания, из дерзкой выдумки, превратившись в нечто большее, захватившее все мысли Тораса. Но, самое главное, у него было время, на осуществление задуманного, ведь вслед за штормами придут морозы и новости, какими бы они ни были, смогут достигнуть Морозных Островов лишь по весне, а за полгода граф надеялся успеть закончить приготовления.

Утреннюю трапезу Торас разделил с приближенными – седовласым командиром всадников Редаром, служившим еще его отцу, и сборщиком податей Хоргалем, который так же ведал казной графства и торговыми делами.

– Помнишь, я послал тебя искать выживших в бурю?

– Да, граф, – кивнул Редар, разрывая кусок мяса сильными пальцами и укладывая меньшую часть на ломоть хлеба, лежащий перед ним. Передав оставшееся блюдо торговцу, воин обсосал пальцы и вытер о рубаху. – Я видел, в замок кого-то притащили. Прок-то вышел из этого?

– Вышел, – граф принял от Хоргала остатки дичи, легко уместившиеся в его огромной ладони, и откусил немного, проглотив не жуя. – Вот дрянь! Вздернул бы повара, да где другого взять?!

– Найду, только прикажите, – улыбнулся казначей. – А этого – хоть сейчас на виселицу. Халладен покачал головой:

– Не стоит. Готовит он, может, и скверно, зато преданный, и пробует все сам.

– До чего же отвратительный у него вкус, ваша милость, – Хоргаль тряхнул головой, выражая негодование. – В Деусе уже год, как используют особую пряность, чтобы придать блюду некий тонкий привкус, и я, посмею заметить, купил для вас немного. А потому, хотел бы знать, что помешало повару ее добавить? Эй...

– Хватит, Хоргаль! – Одернул его граф. – После твоей прошлой специи у меня все нутро огнем горело неделю. Жили же мы без них раньше.

– С позволения вашей милости, я лишь желаю, чтобы графский двор не выглядел излишне диким в глазах соседей.

– Дай тебе волю, и мы будем есть то, что подают в Деусе, одеваться как в Талании, и говорить на хонтэйском, – глядя на бледнеющее лицо приближенного, Халладен рассмеялся: – При том, что сам ты келийский торгаш.

– То верно, – наконец справившись с жестким мясом, встрял в разговор Редар. – А что с теми, кого в шторм подобрали?

– Действительно, граф, расскажите, – присоединился казначей, побоявшись, что продолжение беседы о специях может вызвать гнев правителя.

Хоргаль, сколько его знал Халладен, всегда старался угодить графу и боялся впасть в немилость. Торас приблизил его к себе за исполнительность и живой ум, способный принимать новшества и стремиться к ним так, как не способен был даже сам граф, считавший себя человеком весьма передовых взглядов. Потому Халладену и нужен был сын разорившегося келийского торговца, прятавшегося в Северном Пределе от долгов, что он не был хартвигом и смотрел на мир через блеск монет, а не острие клинка. Воины клялись Торасу в готовности отдать жизнь по первому его приказу и проливали кровь, когда то было необходимо, а Хоргаль безо всяких приказов предпринял путешествие в Деус и заключил соглашение о продаже вина, принесшее оскудевшей казне Халладена столь необходимое тогда серебро.

Этот торговец умел найти выгоду, а потому Торас наделил его столь высокой властью и своим полным доверием, хотя иногда и посмеивался над его стремлением ввести в Северном Пределе иноземные порядки.

– Моряки рассказали мне много интересного о том, что происходит на Морозных Островах, – граф сам налил всем еще вина, видя, что чаши опустели.

– О Герреде? – Спросил Хоргаль, не заметив предостерегающего взгляда Редара.

– Да, и о нем тоже, – спокойно ответил Халладен. – Мне придется покинуть замок, чтобы уладить некоторые дела. Редар, на время моего отсутствия, тебе поручаю и земли и свою дочь. Знаю, ты единственный, кто справится.

От внимания графа не укрылось, что Хоргаль опустил взгляд, несомненно, затаив обиду на эти слова, но для казначея было другое поручение, не менее важное.

– Собери мне эскорт, иди, – отослал старого воина Торас.

– Позвольте и мне уйти, – попросил казначей, не глядя на правителя.

– Остайся, – удержал его Халладен. – Не можешь смириться, что я оставил править Редара? Вижу. Но он лучше сможет организовать оборону и, если понадобится, выдержать осаду. Тебя я за другие умения ценю.

– Благодарю, ваша милость, – Хоргаль вновь попытался встать, но ладонь графа буквально прижала его стулу, и торговец оказался вынужден встретиться с ним взглядом: – У вас есть особые распоряжения для меня?

– Да, мой верный Хоргаль, – благодушно улыбнулся Торас, словно и не заметив непокорности слуги. – Ты отправляешься в Деус.

– Зачем же? – В глазах казначея зажглось любопытство. Чего бы ни желал от него Халладен, было ясно, что это для него весьма важно, иначе он не стал бы отсылать Редара.

– Скоро мне потребуются деньги и воины – столько, сколько Деус сможет дать. Ты заключишь эти соглашения.

– А что обещать взамен? Казна не велика, ваша милость.

– На Хасинге есть серебряные жилы, до которых Альвиг еще не дотянулся, – прошептал ему Торас. – И только я знаю, как их найти. Отдай им все в обмен на помощь.

– Сделаю что в моих силах, – заверил Хоргаль. – Но если им того будет мало?

– Большого у меня нет. Поезжай ночью, тайно.

Граф разжал пальцы, отпуская собеседника. Разговор был окончен, и торговец поспешил удалиться. Торас проводил его взглядом, пожелав удачи. Хорошее же дело он поручил Хоргалу: продать ушлым торговцам то, чем не владеет. В любом случае, граф надеялся, что казначей преуспеет, все-таки, если верить слухам, для келийца обмануть жителя Деуса почти дело чести.

Перед тем, как покинуть замок, Торас Халладен навестил дочку – малышка еще спала, и он некоторое время просто стоял над колыбелью, смотря на нее. Лицом девочка пошла в мать, графу казалось, что он узнает знакомые черты безвременно покинувшей его супруги, и оттого сердце исполина всякий раз сжималось, стоило только ему взглянуть на ребенка. Подавив тяжелый вздох, он прикоснулся губами ко лбу девочки, и прошептал:

– Придет время, и тебя назовут королевой Морозных Островов.

Если раньше у него еще были сомнения, то теперь от них не осталось и следа. Он подарит своей дочери обширное королевство, которым она будет править вместе с верным и любящим супругом – уж Торас подыщет ей такого, даже если придется объехать полмира. Даже, если придется завоевать полмира.

Приказав нянькам и кормилице беречь его единственное дитя, граф вернулся к себе в покои, чтобы завершить приготовления – слуги уже собрали большой сундук, и теперь волокли его по лестнице, едва переставляя ноги. А сам Торас сменил остроконечные башмаки на дорожные сапоги, и накинул серый плащ из овечьей шерсти.

Во дворе замка его уже ожидала собранная Редаром охрана – четыре рыцаря с оруженосцами и два десятка воинов, снаряженных для длительного пути. Торас вновь поразился предусмотрительности Редара – еще не зная, куда направится господин, он постарался предусмотреть все возможные варианты.

Двое конюхов подвели правителю скакуна – огромного и медлительного, однако же, способного выдержать могучего Халладена, ломавшего иным лошадям хребты. Согласно легендам, Халлад Череполом и вовсе не смог найти себе коня, а потому вынужден был сражаться пешим, так что здесь Торас уступал великому предку.

– В Хонтэ! – Возвестил граф, не любивший долгие прощания, и направил коня к воротам, через которые уже выехал знаменосец Гавин на резвой тонконогой лошадке.

Если бы сейчас кто-нибудь попытался отговорить Тораса от рискованного предприятия, то граф прогнал бы его прочь, а возможно еще и приказал бы всыпать плетей. Все было решено, и решено задолго до этого дня – еще, когда Халлад впервые ступил на хонтэйскую землю. Остальные же события лишь отдаляли тот момент, когда наследник грабителя и изгоя бросит вызов островному королю. Единственное, чего Халладен не мог себе простить, так это, что не пришел на помощь Огнебородому, когда тот поднял оружие против Альвига и вторгся в Хорнфирд. Торас тогда говорил, что выжидает благоприятной погоды, но на деле боялся присоединиться к мятежу, не оценив в достаточной мере силы сторон. Герред же, наоборот, не терпел промедления – он рвался в бой, и потому, не дождавшись помощи, вступил в сражение с королем. Альвиг встретил его в долине, после названной Герредалем, с ним были все его сыновья и верные полководцы, заманившие мятежного ландгера в ловушку. Король встретил Огнебородого лицом к лицу, зять Альвига Рутгар и его наследник Ормвальд ударили с флангов, а Бесстрашные Братья зашли в тыл, завершив окружение.

Когда Герред понял, что ему не спастись, он бросился туда, где видел знамя короля, и скрестил с ним топор, повергнув островного правителя на землю. Возможно, там бы Альвиг и погиб, но прежде чем Огнебородый успел нанести смертельный удар, Ормвальд дважды поразил его из лука, а Рутгар подоспел на помощь тестю и оттеснил опасного врага. Герред погиб от его руки – ослабевший, раненный и истекающий кровью, но до сих пор Рутгар не перестал похваляться, что победил его в честном бою.

Торас хотел бы загнать эти слова обратно королевскому зятю в глотку вместе с острой сталью, и хорошо бы тоже в поединке. Год назад Халладен мог сражаться против островного короля плечом к плечу с родичем, теперь же он должен был найти союзников или разделить судьбу Герреда, выступив в одиночку. Потому-то и надеялся на успех Хоргая в Деусе и собственное красноречие при дворе у хонтэйского герцога.

Хроника Хонтэ

«О, Кэрла крепки твои стены и мужественны защитники. Навсегда растворились во тьме веков времена, когда кровожадные дикари осмеливались подойти к твоим вратам, когда дерзали бросить вызов Великому Герцогу и его отважным рыцарям. Лишь единожды склонялась ты, гордая столица, пред захватчиками, но тогда вел их сам Халлад Череполом, не ведающий поражений. Ныне же нет такого врага, какой мог бы утратить тебя, ты – неприступная твердыня, ты – столица Северной Империи, и будешь ею до скончания времен».

Глава Вторая. Герцог

Поначалу путешествие показалось спутникам Тораса легкой прогулкой – после шторма наступило обычное для осени затишье, и ветер едва различимо шелестел в листьях, освежая лица всадников приятной прохладой. Воины ехали налегке, перешучиваясь и вспоминая былые походы, где все было ясно, не то, что теперь, когда они едут в Хонтэ, даже не зная, зачем. Для визита к герцогу свита Халладена была слишком мала, для сражения – и того меньше, разве что граф хотел посетить соседские владения тайно, с одному ему известной целью, однако эта догадка уязвляла гордость рыцарей, готовых заподозрить господина в недоверии им.

Граф слышал их разговоры, и оттого сам мрачнел. Впрочем, скажи он им, зачем отправился в эту поездку, недовольство рыцарей только возросло бы: ко двору герцога и всего с двадцатью воинами, когда должно не меньше, чем с тремя сотнями! Разъяснять им, что времени собирать эти три сотни у него нет, Торас не хотел. Да и вряд ли воины сумеют понять, отчего он так торопится, что готов поступиться величием и прибыть к Хонтину как простой странник, а не равный владыка.

– Анмарт, сыграй нам, – велел граф одному воину, когда услышал, что разговоры его спутников вновь возвращаются к цели вояжа.

Всадник радостно улыбнулся, словно уже давно ожидал этого приказа, и достал свирель, принявшись наигрывать незатейливую мелодию. Широкоплечий Берндейл пробурчал что-то в густую бороду и нарочно отстал от отряда, чтобы не слышать свирели – единственная музыка, которая была по нраву старому воину, так это рев ратных горнов и звон мечей. Остальных игра Анмарта развлекала, и даже молчаливый Курц Орген улыбнулся, поправив роскошные усы, являвшиеся предметом его особой гордости: в отличие от других воинов, он брил бороду, зато отпустил длинные усы и часто подвязывал их золотыми ленточками, красуясь на пирах и турнирах. Впрочем, мало кто посмел бы в насмешку назвать Курца безбородым – мечом рыцарь владел отменно, и был готов пустить его в ход по любому поводу. Халладен считал его лучшим бойцом в отряде, более умелым и опасным, чем могучий Берндейл, но в то же время и более хвастливым, чем все сопровождавшие графа рыцари, вместе взятые.

Последних двух рыцарей Торас знал не так хорошо. Светлоглазый хонтэец Гатъен Грасье принадлежал к свите его супруги, однако оставшись на службе графа после ее смерти, держался скромно и никак себя не проявил. Ульрих Рор же, всячески подчеркивавший свое родство с хартвигами, лишь недавно прибыл в замок Халладена, а до этого жил в своем поместье на окраине Северного Предела. Редар, видимо, хотел испытать их, и Торас был с ним согласен, хоть и надеялся, путешествие пройдет без неприятных встреч и приключений.

На пятый день они миновали границу графства, проходившую по реке Гарлен. Мост через нее сильно прохудился и нуждался в ремонте, но Торас, стесненный в средствах, надеялся, что этим займется герцог, который, в свою очередь, явно ждал, пока мост развалится, чтобы вынудить Халладена тратить из своей казны. За рекой дорога разветвлялась: один путь вел вдоль берега, два других – вглубь страны.

– Прямо, – решил Торас, припоминая, где находится Кэрла.

– Милорд, – подъехал к нему рыцарь Гатъен. – Будет лучше выбрать правую дорогу.

– Окружной путь?

В голосе графа слышалось удивление, смешанное с недоверием – все же Грасье родился и вырос в этих землях, а предлагает долгий путь взамен короткого.

– Именно так, здесь дорога прямая, но нам встретятся лишь несколько бедных деревень в десятках домов, а там где я предлагаю ехать большие селения, и постоянные дворы есть – отдохнуть сможем и припасы пополнить.

– Так тому и быть, – немного поразмыслив, согласился Торас – ему и самому порядком уже надоело спать на голой земле, а желудок истосковался по хорошей пище. Ради этого можно было пожертвовать парой дней.

Однако, вместо трактира, уже скоро дорога завела их в густой лес, и Гатьену пришлось стать проводником, поехав вперед вместо Гавина, с сожалением опустившего графское знамя – в чашобе от штандарта проку не было, а вот изодрать ткань о ветви можно было запросто. Не смотря на все усилия хонтэйского рыцаря, выбраться из леса засветло им не удалось, так что пришлось там же и расположиться на ночлег.

– Вот тебе и постоянный двор, – зло прорычал Берндейл, укрываясь меховым плащом, сшитым, как он говорил, из шкуры медведя.

– Телега нас задерживает, – Грасье развел руками: – Будь мы налегке, спали бы уже в теплых постелях.

На телегу были погружены доспехи рыцарей и графский сундук, так что бросать ее посреди леса все равно не представлялось возможным. Но, так, по крайней мере, у Гатьена появилась возможность оправдаться перед соратниками и сохранить лицо.

Наутро озлобленные и голодные воины продолжили путь и к полудню, наконец, добрались до небольшой деревушки лесорубов, расположенной у самого края леса. Люди, узнав, сколь знатный гость к ним пожаловал, собрали еды, какой смогли, и пригласили графа со спутниками к столу. Обед был скуден – несколько тощих птиц, подстреленных охотниками, несъедобного вида каша и репа, которой, по счастью, хватило на всех северян, с аппетитом приступивших к трапезе.

– Обязательно расскажем о вашем радушии герцогу, – пообещал старосте Гатьен, первым вставший из-за стола. – Он освободит вас от податей в этом году...

– Перестань, Грасье, не хватало еще выпрашивать у Хонтина такую мелочь, – одернул его Халладен, опустив широкую ладонь в кошель на поясе и зачерпнув горсть монет. – Вот, берите, добрые люди. Награда за ваше гостеприимство.

Растерявшиеся от щедрости графа, люди стали упрашивать его погостить у них еще хотя бы день, однако их увещевания не возымели успеха. Единственное, что они смогли сделать в благодарность Торасу, так это починить прохудившуюся в лесу телегу.

– Наш травник, ваша милость, – зашептал староста, встав на цыпочки, чтобы дотянуться до уха графа: – Колеса-то у телеги заговорил, теперь быстрее прежнего ехать будет, вы же торопитесь.

– Не хватало еще с колдовством связываться, – нахмурился Торас. Правителю должно только у Создателя помощи просить, а не обращаться к низменным чарам. – Молчи об этом, мужик, а то плетей всыплю.

Староста под пристальным взглядом графа сжался, и смог лишь боязливо кивнуть, видимо обещая, что о телеге никому не скажет.

– Эй, Грасье, – раздраженно окликнул рыцаря Рор, когда они покинули деревню. – Моя котомка опустела, в бурдюке ни капли – где обещанный тобой постоянный двор? Или та нищая деревенька – это он и есть?

– Суровый хартвиг хочет в мягкую постельку? – Ощерился в ответ Гатьен.

– Сейчас я тебя сам уложу в мягкое! – Потянулся к мечу Ульрих. – В сырую землю!

– Попробуй!

На солнце сверкнул клинок хонтэйца, на треть вынутый из ножен, однако в это время между ними встал граф, уставший от их глупого спора:

– Оружие в ножны, – велел он. – Сохраните ваш пыл для врага.

– Был бы здесь враг, – издали рассмеялся Берндейл, все еще державшийся в хвосте отряда. – Так эти двое разом прекратили бы ныть.

– Увижу еще раз, что ссоритесь – пеняйте на себя, – с неприкрытой угрозой в голосе предупредил Торас. – Грасье, указывай дорогу, Рор – замыкающим.

Неудавшиеся поединщики разъехались в разные стороны. Хонтиец вновь повел отряд, а северянину пришлось оказаться возле грузного Берндейла, не упустившего возможность опустить несколько язвительных комментариев по поводу случившегося.

– Трактир! Трактир! – Первым массивное строение, огороженное забором, увидел не Гатьен, а зоркий знаменосец, приподнявшийся по такому случаю в стремях, и несколько мгновений всматривавшийся вдаль, пытаясь понять, не обманывают ли его глаза. – Милорд, скоро доедем до трактира!

Халладен в ответ лишь кивнул.

Когда он добрались до ворот, Берндейл постучал в них булавой, чтобы уж наверняка услышали, а Курц еще и протрубил в рог. После такого приветствия, ворота открылись очень скоро, слуги опасливо оглядели вооруженный отряд, и пригласили знатных господ внутрь. Лошадей отвели к коновязи, где все они (учитывая уже стоящих там) едва уместились, и накормили сеном.

– Смотри, головой отвечаешь, – пригрозил Берндейл одному из слуг, пока те закатывали телегу в сарай. Разгружать ее ни у кого из воинов желания не возникло, однако все они, и в первую очередь граф, понимали, что здешний люд вполне может что-нибудь украсть, а потом вора уже не найдешь.

– Незачем их пугать, – Торас покачал головой, и подозвал двоих северян: – Жедьон Высокий, и ты, Жедьон Толстый – будете охранять.

– Как прикажете, граф, – откликнулся один из Жедьонов, и чуть тише добавил: – Нам бы поесть, чтобы силы восстановить.

– Кьелд, – велел Берндейлу граф. – Распорядись, чтобы им еды принесли.

– Принесут, куда денутся, – пообещал рыцарь.

Зал трактира оказался вполне просторен, хоть и весьма скудно освещен – видимо хозяин берег каждый медяк и не хотел разжигать лишних факелов. Спутники графа сильно потеснили других посетителей, заняв несколько столов у стены.

– Эй, трактирщик! – Прорычал, перекивая царящий в помещении ор пьяных голосов, Ульрих. – Вина и мяса, да побольше!

– Сей момент... – что там еще хотел добавить хозяин, Торас не расслышал, так как его голос утонул в шуме.

К чести трактирщика, их заказ действительно исполнили быстро, хотя, сама по себе еда все же оставляла желать лучшего: вместо целого поросенка принесли нарезанные куски, вываленные в каком-то вонючем соусе, к тому же свинины на всех не хватило и остаток пришлось заменить бараниной, оказавшейся жесткой и безвкусной.

– А вино явно разбавлено, – с видом знатока заметил Гатьен, отпив глоток прямо из бутылки. – Обычно вкус у этого сорта терпкий, а тут водянистый и...

– Нашелся винодел, – пробурчал Берндейл Кьелд. – Да на глаз видно, что водица крашенная – это их вино! Иди сюда!

Подавальщица с визгом отстранилась от ручищ рыцаря, попытавшегося ее схватить, и поспешила скрыться, так что Кьелд, пожав плечами, сгреб за шиворот пробежавшего мимо слугу, и подтащил его к столу:

– Давай, малый, расскажи, что за дрянью вы нас поите?

– В-вино, – заикаясь, простонал парень. – П-п-просто вино.

– Я когда недопиваю – очень злой бываю, – предупредил рыцарь. – Так что иди к хозяину, и вели откупорить бочку настоящего вина, пока я сам к нему не пошел.

– И пусть зарежет еще одну свинью, – добавил Ульрих. – Мы платим!

Парнишка убежал, едва только Кьелд ослабил хватку.

– До чего жадный народ эти хонтэйцы, – бросил он, отряхивая ладонь о штаны.

– Будь мы в другом месте, я счел бы это оскорблением и потребовал поединка, – заметил Гатъен. – Все же, я подданный герцога...

– Вот и жуй подметку, – протянул ему кусок баранины на ноже Берндейл. – Раз нравится, подданный герцога.

Северяне рассмеялись, и немного пристыженный Грасье, вместе с ними. Голодные воины уже скоро расправились и со свиной, и даже с бараниной, после чего Торас махнул рукой, сидящему с края, Анмарту:

– Узнай, что нового в герцогстве.

Тот кивнул, соскользнув со скамьи, и пошел от одного стола к другому, перекидываясь несколькими фразами с захмелевшими посетителями, охотно рассказывающими ему последние новости, ведь любой рад поведать сплетни, будь то, правда или чья-то выдумка. Анмарт, пока ходил, успел выпить с келийскими наемниками, поклявшимися ему в вечной дружбе, разделил ужин с двумя островитянами и, вернулся к графу, слегка пошатываясь.

– Говори, – пригладил бороду Торас, внимательно смотря воину в глаза.

– Их послушать, так здесь такой ужас творится: в лесу, вроде как, колдун появился, и на скот порчу наводит, – Анмарт рассмеялся. – Еще, он человечину ест, а из костей дудки режет. Может, поищем его – всегда костяную дудку хотел...

– Сам потом сделаешь, – бросил Ульрих, слушающий их разговор. – Еще что интересного узнал?

– Келийцы жаловались, что герцог их отряд распустил.

– Значит, воевать пока не хочет, – с другой стороны подошел Курц.

Торас же сдвинул брови, подумав, что хорошо бы взять келийцев на службу, пока они не подались к кому другому. Хорошие воины всегда пригодятся, так зачем этих упускать, если они ничуть не хуже других.

– Гатъен, – граф наклонился к рыцарю: – Передай славным воинам из Келии кувшин вина, и скажи, чтобы шли в мой замок, там для них служба найдется.

– Из Талании слух дошел, – продолжил Анмарт. – Там видели боевые суда хартвигов в большом числе.

– Не лучшее время для набега.

Торас и сам не раз участвовал в таких походах, и потому знал – лучше всего устраивать их по весне и летом, когда море спокойно, осенью же велик риск попасть в бурю, а если немного помедлить – то и морозы настанут. Хартвиги понимали это куда лучше графа, а потому либо выйти в море их заставила великая нужда, либо же они собирались зимовать в чужих землях, а домой вернуться, когда льды растают.

– Не лучшее, – кивнул Берндейл, в молодости водивший корабли в Деус и Таланию вместе с отцом Тораса. Жители разграбленных деревень прозвали Кьелда Кровожадным Медведем, и раньше одного упоминания его имени хватало, чтобы обратить врага в бегство, однако слава рыцаря с годами поблекла, как и память о его деяниях. – Но дуют холодные ветра, и зима будет лютой.

Халладен был вынужден согласиться с ним – хартвиги несомненно пришли за пищей, а значит будут второпях грабить прибрежные селения, даже не помышляя вторгнуться вглубь континента. А то, что король Талании ощутит на себе клыки северных волков, было лишь на руку Торасу, хотевшему добиться его помощи в борьбе с Альвигом.

– А вот и обещанный поросенок! – Вновь самым внимательным оказался Гавин, увидевший двоих слуг с большим подносом.

– Наконец-то, – прорычал Кьелд. – Я уже готов был зарезать и поджарить трактирщика, благо, он тоже тот еще боров.

– Посуду прочь!

Ульрих Рор смел со стола опустевшие кувшины и миски, освобождая место для мяса, а Курц тем временем выхватил из пасти у поросенка печеное яблоко, и впился в него зубами, забрызгивая соком усы.

– Эй, хозяин, – прокричал он. – Напеки еще яблочек, уж очень вкусны!

За соседним столом кто-то достал лютню, и принялся перебирать струны, пытаясь извлечь некое подобие мелодии, однако умения новоявленного музыканта хватало только на то, чтобы мучить инструмент и слух окружающих.

– Перестань немедленно! – Не выдержал кто-то, вскакивая со скамьи. – Или я разобью лютню о твою голову!

Вид у мужчины был решительный, так что музыкант поспешил исполнить его требование, хоть и с явной неохотой.

– Чего так сидеть, – поднялся со своего места лысоватый островитянин с всклокоченной рыжей бородой. – Кто хочет услышать историю о ратных подвигах?

– Мы хотим!

– Говори!

Раздался нестройный хор пьяных голосов – послушать о былых битвах хотелось каждому, особенно если рассказчик сам предлагал и к тому же не требовал платы.

– Это будет интересно, – улыбнулся Берндейл, сев вполоборота, чтобы видеть лучше островитянина, решившего развлечь посетителей трактира.

– Если только рассказчик из него лучше, чем из предыдущего – музыкант, – хмыкнул Ульрих, впиваясь в кусок окорока, доставшийся ему после раздела поросенка.

Хартвиг уселся на стол, уперев ноги в скамью, и, обведя зал взглядом, произнес:

– Быть может, вы ждете, что я поведаю о героях былых веков? О воинах, что бросали вызов богам и сражались с чудовищами? О великих завоевателях, оружием создавших свои королевства? Ха! Все это вы слышали и до меня! Есть другие герои, сильные и отважные, вершащие подвиги прямо сейчас, когда мы сидим здесь и пьем это дрянное вино! – Он рассмеялся, опрокинув в рот чашу, так что половина питья стекла по его бороде: – Да, мой рассказ будет о Бесстрашных Братьях, сыновьях короля Альвига!

Послышался ропот и возмущенные возгласы – многие здесь помнили, как три года назад Бесстрашные Братья на шести кораблях обогнули Северный Предел и высадились в хонтэйских землях, пройдясь по ним огнем и мечом. Однако, были в трактире и те, кто хотел дослушать историю до конца, и среди них граф Торас со свитой.

– Старший из них, Ульвgrim, тогда уже имел собственный корабль и люди боялись встречи с ним как в море, так и на суше. Главной страстью его были поединки, и в единоборстве он убил шестерых прославленных воинов, а многих покалечил без счета! Брат его, Льетарн, едва достиг юношеского возраста в то время, и попросил Ульвgrима взять его в поход.

«Вот тебе меч», – сказал Ульвgrim, обнажая свое оружие. – «Сможешь удержать его в руках, поплывешь с воинами».

То был двуручный клинок с зазубренным лезвием, оборвавший множество жизней, и не всякий взрослый мужчина мог поднять его для удара. Не удалось это сделать и молодому принцу, уронившему меч, едва только брат протянул ему рукоять.

«Вижу я, ты еще мал. Подрасти немного, а уж тогда приходи».

Принца сильно задела слова старшего брата, и он выхватил ножи, метнув их в Ульвgrима так, что каждое лезвие срезало по пряди волос с его головы и вонзилось в мачту, находившуюся за спиной хартвига.

«Пусть, мне не удержать твоего меча, но разве только это сделает меня воином?»

Тогда Ульвgrim был вынужден признать, что брат достаточно возмужал и может вынести все тяготы похода, а в обращении с ножами ему вряд ли найдется равный. Так они впервые

вышли в море вместе, и в тот же год люди прозвали их Бесстрашными Братьями, поскольку страх им действительно неведом!

– Нашей кровью себе славу стяжали! – Воскликнул полноватый хонтэец, с силой ударив по столу пивной кружкой. – Крестьян грабят, а ты их героями называешь!

– На Морозных Островах они может и герои, – поддержал его другой. – Всем известно, что там пристанище разбойников и прочей мрази!

– Повтори, что сказал!

Хартвиг, оттолкнувшись от скамьи, запрыгнул на соседний стол и, пробежав по нему, схватил хонтэйца за ворот. Сразу несколько человек потянулись за ножами, но драка так и не началась:

– Кому жить надоело, становись, – прорычал Берндейл, поигрывая тяжелым топором: – Хотите устроить побоище – идите во двор, а нет, так рыла в кружки уткните, и чтоб тихо сидели!

Выглядел Къелд устрашающе, особенно с двумя десятками бывалых воинов, готовых его поддержать, потому островитянин хоть и неохотно, но отпустил толстяка и вернулся на свое место.

– Надо бы ему кишки выпустить, – предложил Гатьен. – А то удумал, кого прославлять. Ульвгрим и Льетарн же мало что мерзавцы и разбойники, каких поискать, так еще с нечистой силой знают.

– Это верно сказано, – прошептал услышавший его крестьянин, сидевший за соседним столом. – Ульвгрим, говорят, шлем с волчьей головой носит и плащ из шкуры, а по ночам в лютого зверя перекидывается.

– Да-да! – Подхватил другой хонтиец. – А у Льетарна на одежду перья нашиты, стало быть, чтобы проще в орла превращаться было!

– Колдуны они поганые! – Поднялся крик.

– Жертвы человеческие приносят и кровь пьют!

– Заклинания знают и знаки запретные!

– А еще, известно, что мать их не от короля родила, а от духа лесного, что овладел ею в образе медведя.

Островитянин, что вел рассказ, в ярости перевернул стол, бросил на пол горсть медяков и вышел вон, напоследок метнув злобный взгляд в Берндейла. Торас, заметив это, хлопнул рыцаря по плечу:

– Не растерял ты умения наживать врагов.

– Истреблять их тоже пока не разучился, – заверил графа Къелд.

Ближе к ночи, рыцарь вышел во двор, надеясь найти там островитянина и решить оставшиеся вопросы поединком, но тот уже уехал. Впрочем, граф заверил Берндейла, что они еще встретят этого хартвига, поскольку такие обиды просто так не забываются.

– Надеюсь на то, – согласился воин, прежде чем отправиться спать.

Отряд Тораса покинул трактир на рассвете, купив в дорогу вина, хлеба и вяленого мяса, а усач Курц так же привязал к седлу мешок печеных яблок и ел их весь остаток дороги, иногда предлагая соратникам, однако те чаще отказывались, чем соглашались.

Спустя неделю, северяне прибыли к стенам Кэрлы, столицы Хонтэйского герцогства, основанной, если верить легендам, почти восемь веков назад. Тогда же, были построены и городские стены высотой в четыре человеческих роста, способные выдержать любую осаду. В хонтэйских песнях часто упоминалось, как орды врагов терпели поражения, пытаясь штурмом взять город, и восхвалялась доблесть защитников, малым числом отражавших неприятельские атаки. Но Торас слышал и другие песни, те, в которых говорилось о храбрых воинах Халлада Череполома, захвативших хонтэйский север и дошедших до Кэрлы. В рассказах хартвигов, город окружал лишь деревянный частокол, а хлипкие ворота выбивались несколь-

кими ударами тарана, и граф больше верил этим словам, нежели напыщенному хонтэйскому хвастовству.

Стражники, завидев знамя правителя Северного Предела, открыли ворота и подняли решетку, преграждавшую вход в город. Теперь-то стены Кэрлы действительно впечатляли воображение, вот только, ни один враг не подходил к ним уже почти два века.

– Господин граф, какая неожиданность для нас, – всадник в расшитом золотом плаще встретил их за воротами.

– Безотлагательность дел заставила меня прибыть без предупреждения, – ответил ему Торас, добродушно улыбнувшись.

– Почту за честь проводить вас во дворец, милорд, – хонтэец поставил коня бок о бок с графским. – Уверен, Его Светлость будет рад вас видеть.

Провожатый был невысокого, насколько можно судить по всаднику, роста, тощ, как и большая часть хонтэйцев, и плосколиц, к тому же недостатки внешности он пытался компенсировать избытком украшений – на пальцах его блестели перстни, дорогую одежду пронизывали золотые и серебряные нити, и даже в лошадиной сбруе блестел жемчуг.

– Если бы мы только знали, что вы придете сегодня, – не умолкал хонтэец. – Вас ожидал бы поистине королевский прием. Но я послал человека во дворец, как только увидел ваше знамя, поверьте, господин граф, вы увидите наше гостеприимство во всем его великолепии, как только мы прибудем на место.

Улицы города были узки и полны народа, поэтому процессия двигалась очень медленно, к тому же молодые воины из свиты графа с удивлением рассматривали тесно построенные, точно жмущиеся друг к другу, дома, казавшиеся им нелепыми, поскольку в Северном Пределе даже в крупных селениях, у каждого хозяина был просторный огороженный двор. Торас понимал их, впервые оказавшись в Кэрле, он вел себя так же.

На площади перед дворцом тоже столпилось немало народа. Вскоре граф разглядел, в чем причина такой многолюдности – они пришли посмотреть на казнь. Сам Халладен обычно не устраивал зрелища из наказания, однако хонтэйцы любили подобные развлечения, и он не осуждал их за это. Сегодня на помосте находилось трое оборванцев, закованных в колодки, и стражник по очереди бил каждого из них кнутом под одобрительные возгласы толпы.

– За что их? – Спросил провожатого Торас.

– Просили подаяния у дворцовых врат, – скривился тот. – А Его Светлость не любит, когда здесь снуют попрошайки.

– А кто любит, – согласился северянин.

– Хотите посмотреть подольше, милорд? Сейчас самое интересное начнется – черни позволят закидать их гнилой репой и тухлыми яйцами. Это, конечно, не побитие камнями, но искренне рекомендую...

– Поехали, – Халладен покачал головой. Смаковать чужое унижение он не хотел, тем более что даже не знал этих людей, а потому не хотел им больших страданий, чем они заслужили. – Хочу поскорее увидеть герцога.

– А ну, расступись, сволочь! Граф едет!

Взяв в руки плетень, всадник принялся прокладывать для гостя дорогу, щедро раздавая удары направо и налево. Таким образом, они уже скоро миновали площадь и добрались до самого дворца, где Торас спешил и передал повод коня знаменосцу. Поднявшись по лестнице, граф остановился у массивных дверей, медленно и торжественно распахнувшихся перед ним под оглушительный рев труб.

– Властитель Северного Предела, граф Торас Халладен! – Возвестил герольд, гулко ударяя железным посохом в пол.

– Брат! – Герцог встретил их у самого входа, а потому, едва увидев гостя, бросился к нему и заключил в объятия. – Я так рад тебя видеть!

В ответ Торас рассмеялся, обрадованный такой теплой встречей.

Они называли друг друга братьями с тех пор, как Торас женился на сестре Хонтина, и хотя после ее смерти многие полагали, что их дружбе пришел конец, горе наоборот, только сблизило обоих правителей. Герцог был на голову ниже Халладена, не столь широкоплеч и почти на десять лет моложе, а потому, к неудовольствию придворных, признавал старшинство северянина, хотя тот и пользовался этой привилегией лишь в шутку.

– Как маленькая принцесса? – Тут же начал с расспросов хозяин дворца. – Ты передал ей мои подарки?

– Ты слишком балуешь девочку, Хонтин, – беззлобно упрекнул его граф. – А она северянка и должна привыкнуть к скромности.

– Еще больше она – хонтэйка, – поспорил герцог. – И ей пристало расти в роскоши.

– Заведи своих детей, и воспитывай, как хочешь, – в голосе Халладена звякнула сталь, однако, похоже, Хонтин не обратил на это внимания.

– Ха! Тебя бы я к ним точно не подпустил, – молодой правитель набросил полу мантии на руку, чтобы не мешала ходьбе. – Гodefрой не слишком тебя утомил?

– Порядком, – признался граф.

– Он мой начальник стражи и самый докучливый человек в городе.

Герцог обернулся, окинув взглядом собравшихся придворных, и улыбнулся, когда нашел нужного человека:

– Зефрин, размести спутников моего любезного брата, и проследи, чтобы они ни в чем не нуждались!

Сухопарый старик в алых одеждах поклонился и поспешил исполнять приказ господина. Насколько помнил Торас, дворцовый кастелян всегда был человеком дела, не любившим долгих разговоров.

– Лет шесть назад, он еще не был таким седым, – заметил Халладен, на что Хонтин только усмехнулся:

– Тогда и мой отец еще не был таким мертвым.

– Мог бы и более почтительно отзываться об отце.

– Защищаешь человека, который хотел отобрать у тебя графство? – Герцог вновь рассмеялся, и придворные, шедшие следом, даже не слышавшие их разговора, поддержали его смех. – Бездумное стадо, на все готовы, чтобы мне угодить.

– Они знают хоть, с какого конца за оружие браться?

Большая часть хонтэйской знати показалась Халладену разряженными петухами, слишком изнеженными и откормленными, чтобы служить правителю на поле боя. В Северном Пределе такое не поощрялось, потому, видимо, хартвиги и смогли так легко взять себе хонтэйскую землю. Быть может, захоти Череполом – и уселся бы на трон в Кэрле, но он довольствовался третьей королевства. Потому-то, в который раз услышав от Хонтина, что его отец хотел захватить Северный Предел, Торас лишь усмехнулся в бороду, глядя на пестрое придворное войско.

– Знают, – выдержав паузу, спокойно ответил герцог. – И всегда ищут повод пустить его в ход.

Халладен пожал плечами, решив более не спорить с братом по этому поводу.

После торжественного пира, устроенного герцогом в честь нежданных, но дорогих гостей, граф смог остаться с ним наедине, без постоянного надзора придворных, искавших возможности заслужить благосклонность правителя. Хонтин с облегчением бросил мантию на спинку кресла, сразу, как захлопнул дверь.

– Садись, брат, – кивнул он на треногий табурет, стоявший у стены. – Хорошо, ты внезапно приехал, а то все эти приемы меня так угнетают.

– Я знал, потому и явился налегке, – кивнул Торас. Встреча прошла гораздо лучше, чем он ожидал, благодаря тому, что Хонтин сильно соскучился по его обществу. В графе юноша в первую очередь видел друга, а уже потом соседа и союзника, и Халладен был признателен ему за это. – Тебя проведать хотел.

– Приезжай летом, на оленей поохотимся.

– А осенью самый сезон хартвигов бить, – заметил Торас. – Я в дороге слышал, что они в твоих землях появились.

Юноша решительно помотал головой:

– Мне бы сказали, будь так. А посмеют сунуться – устрою на них облаву! Ты бы знал, как мои рыцари травлю любит, – он улыбнулся, видимо вспоминая последнюю охоту. – Новых собак завезли из Келии, тощие, кожа да кости, но как зверя ловят – загляденье просто! Торас, ты должен это увидеть!

– Завтра же пойдем на псарню, – решительно заявил Халладен, не столько из интереса к новой породе, сколько просто, чтобы доставить приятное другу. – Если они так хороши, как говоришь – я бы взял щенка.

– Подарю тебе дюжину, – махнул рукой герцог, усаживаясь в резное кресло.

– В долгу не останусь, – графу пришлось задуматься, куда девать такую свору псов, и лучшим выходом виделось – наградить ими за верную службу вассалов. – Но, хватит об этом. Ответь мне вот что, Хонтин...

– Снова, – юноша скрестил руки на груди, раздраженно сверкнув глазами, похоже, что в голосе Тораса подсказало ему, о чем пойдет речь. – Когда я гостил у тебя той зимой, мы уже обсуждали этот вопрос.

– И ты пообещал мне, что будешь искать, – напомнил Халладен. – Я твой брат, помнишь? А потому, хотел бы знать...

– Вспомни пророчество! – Огрызнулся герцог. – Неужели сложно понять?

– Думаешь, Вальдеберт хотел подобного конца своему роду?!

– Как он мог знать? Все знаки...

– Хонтин, брат! – Юноша попытался подняться, но граф схватил его за плечи, вдавливая в сидение. – Твой отец поверил колдуну! Вспомни: «Колдунам нет веры», так сказано. Случись что с тобой, кому достанется Хонтэ?

– Тебе, – процедил герцог, дернувшись, однако Торса держал крепко.

– Дворяне меня не примут, – северянин покачал головой. – Женись сам, заведи наследника! И не смей мне больше говорить о пророчестве!

Последнее слово он бросил с особой неприязнью. Когда-то отцу Хонтина было предсказано, что дети его сына станут причиной множества бед и погубят страну, и старый герцог запретил ему жениться. Более того, он столько твердил об этом пророчестве, что и Хонтин, казалось, поверил в бредни полоумных колдунов.

– Дочери хонтэйских дворян не пришлись мне по сердцу, – назвал другую причину герцог. – Хотя они постоянно подстраивают для меня «случайные» встречи.

– Подданные беспокоятся о будущем страны...

– О себе самих только и думают, – не дал графу договорить юноша. – Породниться со мной хотят, не более!

– Тогда забудь о них, есть достойные женщины и за пределами Хонтэ.

– К чему ты клонишь, дорогой брат? – Подавшись вперед, с нажимом прошептал герцог. – Холодные девы Северного Предела меня не привлекают.

Халладен отпустил родича, и достал из мешочка на поясе маленький портрет в золотой рамке:

– А что ты скажешь о ней? – Протянул он рисунок собеседнику.

Взгляд Хонтина немного задержался на золотистых локонах девушки:

– Красивая, – улыбнулся он, продолжая с интересом рассматривать ее лицо, но затем заметил краем глаза надпись в уголке портрета, и скривил губы: – Но ведь это же дочь Гадерика Урбена...

– Да, это Ивелина, принцесса Талании, – подтвердил Торас. – Самая достойная партия для тебя, брат.

– Гадерик – враг мне! – Герцог хотел отбросить портрет, но в последний миг что-то его остановило, и он вновь посмотрел на принцессу. – Нет... ничего не выйдет. Года не прошло, как я убил ее жениха.

Халладен помнил рассказы о той битве: таланцы под началом барона Джасина вторглись в пределы Хонтэ, желая то ли разграбить несколько деревень, то ли захватить спорные земли, а может, думали, что молодой герцог заплатит им выкуп, чтобы они убралась. Хонтин вышел им навстречу во главе своей гвардии, не став дожидаться, пока соберется все войско, вызнал, каким путем идет враг и ночью напал на таланский лагерь. Бежать удалось лишь немногим, остальные же погибли, даже не успев обнажить оружие. Джасина герцог привязал к дереву, нанес ему несколько ран и бросил, зная, что на запах крови скоро сбегутся волки.

– Скажешь, что лишь из любви к ней! – Велел граф. – Где ты найдешь невесту лучше? Она красива, скромна, ее отец – король. И он согласится на брак, потому, что это положит конец вашей вражде.

– Думаешь? – Оживился юноша.

– Уверен. Талания и Хонтэ вместе, – Халладен ударил кулаком по креслу. – С такой силой все соседи будут вынуждены считаться!

В глазах герцога еще видны были остатки сомнений, но Торас знал, что уже убедил его поступить так, как задумал. В конце концов, молодой правитель всегда прислушивался к его советам, и, что важнее, оставался доволен.

– Вели начинать приготовления к свадьбе, – решительно произнес граф. – Я сам поеду к Гадерику и попрошу руки его дочери!

– Ты сделаешь это для меня? Брат, я буду в неоплатном долгу перед тобой...

– Сделаю, – пообещал Торас. – Завтра же отправлюсь.

Улыбка сползла с лица Хонтина:

– Как, завтра? Неужели ты не погостишь у меня хотя бы неделю?

– Вот вернусь к тебе с невестой – и хоть всю зиму буду испытывать твое гостеприимство, – рассмеялся Халладен. – А сейчас надо торопиться, пока Гадерик не выдал дочь за кого-нибудь другого. Или ты готов всех ее женихов волками травить?

– Прости, Торас, – юноша кивнул. – Ты прав, время упускать нельзя. Распоряжусь, чтобы собрали еды в дорогу и дали лучших коней.

Утром северяне покинули дворец герцога, уезжая в некотором недоумении – никто из спутников Тораса не понимал, почему они провели в Кэрле только одну ночь после столь долгой и трудной дороги. Еще большей загадкой для рыцарей было, что теперь на уме у Халладена, не повернувшего назад, а продолжившего путь на юг, к границе с Таланией, где издавна не любили северян.

Хроника Деуса

«Ни оружие, ни страх, ни любовь не дают большей власти, нежели золото. Тот, в чьих руках торговые пути, имеет большие власти, чем любой король в мире. Люди в Деусе впитали эту истину с молоком матери, потому и течет нескончаемый золотой поток через их земли, потому и ставит Деус любые условия соседям, что в руках его торговцев множество товаров, без коих не обойтись ни владыкам, ни крестьянам. В великолепии и роскоши утопает драгоценный город купцов, способных всему назвать цену, и правдива пословица, гласящая: „Чего нет в Деусе, нигде не найдешь“. Пятьдесят лет было так, и будет еще пятьсот, ибо ничто не способно противостоять власти золота».

Глава Третья. Вопрос цены

Ранним утром ворота Деуса миновал одинокий всадник, показавшийся страже смутно знакомым, а потому они остановили его:

– Эй, как твое имя? – Бросил страж. – И бывал ли ты уже в Деусе?

– Любой путь, рано или поздно, приводит в Деус, – улыбнулся в ответ путник, отбросив с лица темную прядь. – Да, я бывал здесь и не раз.

– С какой же целью?

– Ради выгоды, конечно, – он подбросил на ладони монету и передал ее стражнику. – Ты хорошо несешь свою службу воин. Если другие столь же бдительны, как ты – то городу не грозит никакая опасность.

Любопытство стражника оказалось утолено, и человек смог продолжить путь, углубляясь в лабиринты торгового города. Хоргаль, а это был он, неплохо ориентировался в паутине узких улочек, причудливо сплетенных безумными, как могло показаться на первый взгляд, архитекторами. Однако, стоило хоть немного разобраться в устройстве города, и приходило понимание, что каждый дом здесь построен с определенной целью – получить прибыль побольше. Можно было постучать в любую дверь, и хозяин дома тут же предложил бы что-нибудь купить, убеждая, что именно у него самый лучший и дешевый товар. Посланец графа чувствовал себя здесь как рыба в воде, а потому с легкостью отказывался от, казалось бы, заманчивых предложений уличных торговцев и ловко лавировал между нагромождений лотков, точно зная, куда надо идти.

Дважды, выходя на торговую площадь (коих в городе было не менее шести), Хоргаль ловил за руки уличных воришек, пытавшихся утащить у него кошель. Первого келиец просто отпустил, не желая терять время, а второму сломал пару пальцев и оставил вопить, устроив для жителей Деуса бесплатное зрелище. Быть может, он и добрался бы до нужного места быстрее, однако со времени прошлого визита в город, Хоргаль избегал особо мрачных переулков, где запросто можно было распрощаться не только с деньгами, но и с жизнью. Таков был Деус – за внешним великолепием скрывалась грязь и нищета, куда более ужасающая, чем в других городах. Прослышав о богатствах деусских торговцев, сюда пытались проникнуть нищие и бродяги со всех концов света, и стража ничего не могла с этим поделать. С каждым годом Совет принимал все более суровые законы относительно воров и попрошайек, однако ситуации это не меняло: им рвали ноздри, отрезали уши, выдирали языки, отрубали руки, бросали в темницы, но вместо одного уже на следующий день появлялось трое новых, жаждущих испытать удачу в самом богатом городе мира.

Не так давно страже было позволено решать судьбу нищих по своему усмотрению, более того, за каждого бродягу полагался медяк в награду – отчет велся ушами, и жадные до денег стражники с утра до ночи обыскивали городские трущобы, прямо там верша суд и расправу. Ходили слухи, что у их начальника, господина Биаджо Почанни в доме целая стена украшена отрезанными ушами. Правда это была или нет, но спустя месяц изуродованный труп Биаджо был найден в сточной канаве – его лишили всех тех частей тела, какие отрубали нищим. Кто его убил, так и осталось загадкой, но стража поумерила пыл, не желая лишаться жизни за пригоршню медяков.

Для Хоргалья смерть господина Почанни стала весьма неприятным сюрпризом, поскольку тот был его хорошим знакомым и мог помочь за вполне разумную мзду. Теперь же келийцу предстояло завести дружбу с его приемником, а это могло дорогого стоить. Впрочем, пока у графского посланника было более важное дело, а именно – найти относительно безопасное место для ночлега и решить, кто из торговцев достоин его доверия в наибольшей степени, поскольку полностью доверять в Деусе можно было лишь самому себе и никому иному.

Доходный дом «Добро Пожаловать», где Хоргаль останавливался в прошлый раз, и куда он проделал столь извилистый путь по городским лабиринтам, оказался буквально наводнен столь отвратительными субъектами, что келиец поостерегся даже заходить внутрь, и поспешно скрылся за ближайшим поворотом.

– В Деусе ничто не вечно, – пробурчал он вполголоса.

Где-то в центре города, несомненно, находились хорошие гостиницы, однако и стоили они немало, а казна графства, которой заведовал Хоргаль, испытывала слишком большие трудности, чтобы так бездарно ее расходовать.

– Эй, парень, – подозвал он мальчишку, увлеченно тыкавшего палкой дохлую кошку, валявшуюся посреди улицы. – Иди сюда!

Ребенок с явной неохотой оторвался от своего занятия и исподлобья взглянул на Хоргаль с такой злобой, словно хотел сжечь его глазами. Естественно, маленькому оборванцу был ненавистен человек в дорогом плаще и добротных сапогах.

– Где стража последний раз устраивала облаву? – Спросил келиец, показав парнишке монетку.

Неприязнь в глазах мальчика тут же сменилась интересом, он даже подошел поближе, потянувшись за медяком.

– Вона там, – указал он в неопределенную сторону. – За улицей Ювелиров налево, к площади Висельника.

– Сильно лютовали?

Паренек довольно оскалится, пряча монетку:

– Шестерых сразу порезали, а других болтаться повесили! Я сам видел!

Хоргаль улыбнулся, и отвесил ему подзатыльник:

– Пшел вон!

Теперь, хотя бы было понятно, куда идти: там, где поработала стража, некоторое время было спокойно, а значит, можно было найти постоянный двор, не рискуя в первую же ночь стать жертвой грабителей. Хоргаль это вполне устраивало.

Ближе к вечеру он, наконец, отыскал дом, еще на прошлой неделе служивший ночлежкой для бродяг, но после визита стражи здесь многое изменилось, включая хозяина. Теперь, за вполне умеренную плату, в доме можно было снять небольшую комнатку с тяжелым засовом и крепкими ставнями на окне. О том, как в ней ухитрились раньше помещаться пять-шесть нищих, Хоргаль предпочел не думать.

Спалось торговцу плохо, он постоянно прислушивался к каждому шороху, то и дело нащупывал рукоять кинжала под подушкой и все ждал, когда кто-нибудь попытается вломиться внутрь. С улицы иногда доносились крики и конское ржание, Хоргаль несколько раз подбежал к окну, чтобы выглянуть наружу, но всякий раз останавливался, не желая открывать ставни, словно они одни могли защитить его от грабителей. Наутро, усталый и злой, келиец покинул доходный дом, решив поискать более спокойное место для ночлега, пусть даже это будет дороже стоить.

В сарае неподалеку, служившем конюшней, Хоргаль ожидало первое неприятное известие – ночью кто-то украл его лошадь, оказавшуюся более привлекательной добычей по сравнению с клячами других постояльцев. Келиец бросился было к конюху, требуя возместить убытки, однако рослый детина, словно невзначай поигрывая мышцами, заявил, что охранять чужих лошадей он не нанимался. В Северном Пределе Хоргаль, несомненно, приказал бы выпороть его за дерзость, однако здесь обиду пришлось проглотить – звать стражу, не имея поддержки так некстати погибшего Почанни, было попросту бесполезно.

– Как будто первый раз в Деусе, – выругался торговец, отлично понимающий, что его неприятности только начинаются. Если бы не секретность графского приказа, он бы даже

не сунулся в город без отряда воинов, и сразу по прибытию заявил бы о себе Городскому Совету, чтобы получить его защиту.

У Хоргалья были связи среди виноторговцев, так же он знал представителей некоторых гильдий, однако этого было слишком мало, особенно учитывая, что основные надежды келиец возлагал на покойного начальника стражи. Теперь же, келиец вполне мог и не оправдать доверие Халладена, а это грозило суровым наказанием и потерей многих привилегий, которыми некогда наделил его граф.

Надо было хоть что-то делать, а потому, уповая на удачу, Хоргаль направился к Раньери Квинто, поставщику белого вина и виночерпию короля Талании (последнее было почетным титулом, и означало, что если король вдруг захочет посетить Деус, то подавать вино к его столу сможет только Квинто). Торговец жил в большом особняке на окраине города, вызывая зависть менее удачливых соседей. С его богатствами, Раньери давно мог перебраться в центр, однако ему больше нравилось возвышаться над беднотой, нежели раствориться среди богачей.

Для того чтобы давать отпор незванным гостям, желавшим несколько уменьшить состояние виноторговца, Квинто содержал наемную охрану числом более двух десятков человек. Люди шептались, что пойманных воров Раньери держит в глубоком подземелье, истязая и моря голодом, а после скармливает их трупы собакам. В таких слухах всегда была доля правды, однако Хоргалью было малоинтересно, чем именно занимает свой досуг почтенный виночерпий, поскольку он пришел к нему совсем по другому делу.

Солнце уже поднялось достаточно высоко, и охранник в кожаной куртке с нашитыми на нее металлическими пластинами, явно изнывал от жары, то и дело, вытирая рукавом лоб. На подошедшего ко входу в дом келийца, он посмотрел настолько безучастно, что Хоргаль даже удивился – обычно стража хотя бы вид делала, что беспокоится о безопасности нанимателя.

– Кто такой? – Абсолютно равнодушно спросил воин.

– Друг господина Квинто, – Хоргалью было интересно, хватит ли этой рекомендации, чтобы войти в дом.

– Ну, тогда проходи.

Охранник, явно удовлетворенный объяснением, прислонился к стене, и снова вытер вспотевший лоб. Гость не стал более испытывать судьбу и вошел внутрь, велел слуге доложить Раньери о его визите. Вскоре спустился и сам торговец, высокий и худощавый, с огромными бакенбардами:

– Хоргаль Сейг, дорогой друг, – рассмеялся он, однако в голосе торговца слышалось беспокойство – Квинто был не из тех, кто любил сюрпризы. – Вот уж кого не ожидал увидеть, так это тебя! Ха! Какими судьбами?! Нет-нет, молчи! Сначала пойдем, выпьем вина – первый урожай нового винограда. Если понравится – продам всю партию!

– Непременно воспользуюсь твоим предложением, – пообещал Хоргаль, отлично понимая, что никакого вина брать не станет, потому как наоборот, последние несколько лет сам продавал через Раньери северные вина в Таланию, Келию и дальше на юг. Хозяин дома, конечно, помнил об этом, но не хотел упускать возможность избавиться от лишнего товара. – Рассказывай, что в Деусе нового?

– О, неужели Сейг еще не успел сам все узнать?

– Представь себе, – гость поморщился, ему не нравилось, когда его называли родовым именем вместо собственного.

Миновав широкий коридор, они вышли на веранду, с которой открывался вид на сад торговца. Дома в этой части города строились довольно близко друг к другу, а потому Квинто пришлось снести три или четыре здания, прежде чем он смог посадить на освобожденном месте деревья. Когда же в сад повадились вору, виночерпий завел псов, растерзавших несколько человек, как-то ночью попытавшихся украсть немного яблок. Квинто очень любил рассказывать эту историю всякий раз, когда появлялась такая возможность. Келиец и сейчас с опаской

поглядывал на серые силуэты, иногда появлявшиеся из-за деревьев – громадные боевые псы, способные порвать горло быку, лениво прохаживались по саду. Хоргаль успел насчитать трех или четырех зверей, прежде чем бросил это занятие.

– Про Почанни-то хоть слышал? – Спросил Раньери, усаживая гостя за столик и наливая вина в серебряный кубок, украшенный сапфирами – торговец любил драгоценности, и в доме было множество подобных безделушек.

– Прискорбный случай, – келиец кивнул, попробовал вина и снова кивнул, уже одобрительно. – Биаджо был моим другом.

– И моим тоже, – ополовинил свой кубок торговец. – Он был другом для многих хороших людей. Ума не приложу, кто мог такое совершить.

– Как это перенесла его семья?

Хоргалья больше интересовали, конечно, не чувства родственников погибшего, а то, кто из них теперь обладает наибольшей властью.

– Вдова безутешна, дети... – торговец вздохнул: – Бедные дети, так рано остались без отца. Теперь Маббон – глава семьи, и, возможно, скоро он займет место в Совете.

Последние слова Квинто произнес с оттенком легкой зависти, ведь последние лет шесть он безуспешно пытался стать членом Городского Совета, идя на всяческие ухищрения и впуская тратя огромные деньги.

– Маббон, значит, – почесал подбородок Хоргаль. Он смутно помнил брата Биаджо, толстого, словно пивной бочонок, и вечно сыпавшего плоскими островами. – Быть может, под его началом, для семьи Почанни еще не все потеряно. А кому теперь выпала честь возглавлять стражу?

– Приско Латоне.

Такое ответ несколько не удивил келийца – семья Латоне использовала любую возможность, чтобы увеличить влияние в Деусе. Отец Приско и два его дяди состояли в Совете, старший брат командовал гарнизоном, а теперь еще и стража попала к ним в руки. Единственное, что мешало Латоне захватить власть в городе, это страх остаться одним против всех остальных влиятельных семей.

– И как, ему удастся поддерживать порядок на улицах?

– Он слишком мягок, на мой взгляд, – Квинто покачал головой. – Биаджо был кремень, а этот – размазня. Ворье и бродяги с каждым днем все больше наглеют...

– Расскажи лучше о чем-нибудь хорошем, – прервал собеседника келиец.

Раньери с удовольствием сменил тему разговора на торговлю, а после сам расспросил Хоргалья, как обстоят дела в Северном Пределе. Келиец постарался, не вдаваясь в подробности, честно ответить на вопросы собеседника, благо того больше всего интересовало, по какой цене граф собирается отдать ему вина этого года.

– Что же, спасибо за гостеприимство, – ближе к середине дня, поняв, что дальнейший разговор ничего ему не даст, Хоргаль собрался уходить. – Обязательно еще загляну к тебе, прежде чем покинуть Деус.

– Уже уходишь? И куда же, позволь поинтересоваться?

– Нанесу визит Маббону, все же Биаджо был моим другом.

Здесь келиец не стал лукавить, зная, что Квинто все равно пошлет кого-нибудь из слуг следить за ним – виночерпий был не в меру любопытен, и во всем искал себе выгоды. Потому-то изначально Хоргаль не хотел даже, чтобы он знал о его приезде в Деус.

– Вот как? – Прищурился Раньери. – У тебя с ним какие-то дела?

– Мы же в Деусе, – гость пожал плечами. – Сюда не на прогулку приезжают.

Квинто был вынужден согласиться с этим, проводил келийца до выхода и ушел на второй этаж особняка. Хоргаль был уверен, что полученными ответами Раньери не удовлетворится, однако и мешать вряд ли станет.

Покинув дом вино торговца, келиец направился прямо к Почанни, решив не откладывать этот визит. Маббон, несомненно, нуждался в поддержке, а потому вполне мог заинтересоваться предложением графа относительно серебряных копей на Хасинге, и, что важнее, у него, в отличие от Квинто были связи в Совете, а значит, он был способен получить необходимые Халладену войска и золото.

Попасть в особняк семьи Почанни оказалось куда сложнее, чем к Раньери – стражники поначалу вовсе отказались его впускать, но после некоторых уговоров, один из них согласился сходить к хозяину и спросить, желает ли тот видеть некоего Хоргалья. По счастью, Маббон его помнил и велел впустить.

Старый слуга провел келийца по лестнице к кабинету господина Почанни. Хоргаль в это время осматривался по сторонам, однако стены с отрезанными ушами так и не заметил, а потому сделал вывод, что либо слухи лгали, либо после смерти Биаджо от кровавых трофеев решили избавиться.

– Здравствуй, Хоргаль... извини, что не встаю, – Маббон сидел за резным столом из черного дерева, важно надув щеки. За прошедшее с их последней встречи время, он еще больше разжирел и теперь напоминал кабана, по какой-то прихоти судьбы наряженного в людские одежды. Подняться на ноги самостоятельно ему, по понятным причинам, действительно было нелегко. – Знакомься, это Чельзо Ораци, мой добрый друг и компаньон. Чельзо – это Хоргаль Сейг из Северного Предела.

– Что-то не похож он на хартвига, – с подозрением произнес Ораци, удобно расположившийся на скамеечке у стены.

Внешне компаньон Почанни более всего походил на корсара, какими их рисовали в Келии (Хоргаль помнил несколько картин, на которых изображались морские сражения, виденных им в детстве) – смуглокожий, со впалыми скулами, аккуратно подстриженной бородой и серьгой в ухе. Для полного соответствия не хватало только короткого меча или топорика, удобных во время абордажа.

Корсаров боялись и ненавидели повсеместно, кроме Морозных Островов, жители которых с уважением называли их хартвигами юга. Деус же изначально возник стараниями морских разбойников, поскольку на этом месте сходилась множество торговых путей – сначала корсары грабили торговцев, но затем, когда поток товаров сильно уменьшился, смекнули, что лучше брать небольшую дань за право прохода по их земле. Постепенно на месте разбойничьего лагеря был построен город, богатством и величием превзошедший столицы древних королевств. Селения, расположенные рядом, одно за другим, признавали власть могущественного соседа – так появилось Владение Деуса, страна разбойников, ставших торговцами.

– Уважаемый господин Ораци, вы ведь тоже мало чем напоминаете торговца, – ответил колкостью на колкость Хоргаль. – Но, правда ваша, я родом из Келии, однако дом мой находится в Северном Пределе, где я имею честь быть советником графа.

– Какая важная птица к нам залетела, – Чельзо усмехнулся. – И что же хочет сказать нам, простым смертным, советник самого графа?

Похоже, Ораци решил немного повеселиться, а быть может просто был пьян, однако Хоргалья сложившаяся ситуация мало устраивала.

– Мое дело к Маббону Почани, – вежливо произнес он. – К нему одному.

Корсар задумчиво погладил бороду, а хозяин дома махнул рукой:

– У меня нет секретов от друзей, Хоргаль, – заявил он. – Говори при Чельзо.

Келиец вновь встретился взглядом с Ораци, однако теперь смотрел намного внимательнее, ища что-то особенное в смуглокожем корсаре. Ведь, как помнил Хоргаль, Маббон был очень осторожным и недоверчивым человеком, а сейчас, даже после предупреждения, что разговор предстоит тайный, он позволил гостю остаться. Несомненно, Ораци был не просто компаньоном Почанни, а близким другом и соратником, успевшим доказать свою преданность.

– Я пришел, чтобы принести соболезнования по поводу смерти Биаджо...

– Еще слово, и я велю выставить тебя вон, не смотря на все мое к тебе уважение! – Ноздри Маббона раздулись от ярости, становясь еще больше похожими на свиное рыло. – Мне надоело слышать от всех подряд, как они сожалеют о гибели моего брата! Все эти слова – мусор, не имеющий ровным счетом никакого значения! Говори, зачем пришел, Хоргаль, или проваливай!

– Ты ищешь возможности занять место в Совете, ведь так?

– Даже если так, – медленно прошептал Почанни. – Что из этого?

– Мне нужна твоя помощь в одном вопросе, который может разрешить только Совет, – решил сыграть в открытую келиец. – А взамен я расскажу нечто, способное тебя сильно заинтересовать.

– И это все? – Ораци нетерпеливо постучал пальцами по краю скамеечки. – Ты меня разочаровываешь, северянин.

– Речь идет о богатых серебряных жилах, никем еще не тронутых, – в глазах обоих его собеседников вспыхнул интерес – в Деусе все были жадны до драгоценных металлов, и потому слова Хоргалья попали точно в цель. – Мой господин готов отдать их Деусу.

Толстяк подался вперед, вперив крохотные свиные глазки в келийца:

– Что именно он от меня хочет?!

– Поверь, Почанни, ты не сможешь дать ему это – только у Совета есть такая власть, – огорчил, уже начавшего было подсчитывать прибыль Маббона, торговец. – В противном случае мы бы уже обговаривали детали.

– Я смотрю, у сиятельного графа появился королевский аппетит, – снова влез в разговор корсар. – Хватит тянуть, я хочу услышать, что же такое задумал Халладен, раз ему потребовалась поддержка целого Совета!

– Войну.

Была лишь одна причина, по которой Хоргаль не стал скрывать от них планы графа – из-за штормов, уже скоро добраться до Морозных Островов станет невозможно, а по весне скрывать приготовления Тораса будет уже бессмысленно.

– И только-то, – Маббон, казалось, потерял интерес к рассказу визитера относительно всего, что не касалось непосредственно серебра. – Вот уж, удивил.

– Хартвигам лишь бы воевать, – добавил Чельзо. – А наш дорогой гость все еще ходит вокруг да около, так и не сказав ничего определенного.

– Торасу Халладену нужны наемники и золото, чтобы оплатить их службу – именно это я хотел просить у Совета. Будь Биаджо жив – я обратился бы к нему.

Господин Почанни в задумчивости провел пухлыми пальцами по складкам на подбородке и надул щеки:

– Хммм... целый рудник в обмен на войско и оплату. Даже не знаю, заинтересует ли это Совет, все же доход будет получен очень не скоро... где, ты говоришь, залежи серебра находятся?

– На острове Хасинг, – спокойно ответил Хоргаль, наблюдая за реакцией собеседников: корсар рассмеялся, толстяк поперхнулся.

– И это... это... по-твоему честная сделка?! Чельзо, он надо мной издевается! Твой драгоценный граф, Сейг, хочет предложить Деусу то, что ему не принадлежит? Думает, мы все здесь дураки? Или это шутка такая?

– Нет, не шутка.

– Почему бы мне не предложить сделку королю Альвигу? Ведь это его владения!

– Он вряд ли будет столь же щедр, как граф Торас, – Хоргаль улыбнулся. – Чего ради ему отдавать свое серебро? А вот если Хасинг достанется Халладену, он проявит щедрость к тем, кто помог ему.

На некоторое время воцарилось молчание, нарушаемое лишь тяжелым дыханием господина Почанни, пытавшегося хорошенько обдумать услышанное.

– По-моему, дело того стоит, – первым высказался Чельзо. Маббон взглянул на него, и медленно кивнул. Решение было принято, и Хоргаль только сейчас понял, что слово корсара, устроившегося в углу значило куда больше, чем желания самого Почанни.

– Итак, осталось только убедить Совет, – подвел итог толстяк, грустно добавив: – Это может быть затруднительно.

Пусть Хоргалью и не хотелось этого признавать, но боров был прав: городом управлял Совет, состоящий из девяти человек, принадлежащих к наиболее влиятельным семьям Деуса, и предстояли долгие споры, чтобы убедить их всех поддержать Тораса.

– Говорят, Совет в руках у Латоне, – после разговора с Раньери, у келийца появились некоторые мысли относительно способов убеждения правителей Деуса. – Это действительно так?

– Да, – сухо отозвался Чельзо, а Маббон со злостью бросил:

– И еще этот мерзавец Приско занял место моего брата!

– В таком случае, господа, я вынужден поделиться с вами некоторыми наблюдениями, которые успел сделать, пребывая в городе, – собеседники невольно потянулись к Хоргалью, почувствовав, что именно сейчас он скажет нечто весьма важное. – Итак, Приско Латоне сейчас стоит во главе стражи, его отец и дядя занимают треть мест в Совете, а старший брат при этом командует войском.

– Истинно так, – ответил Ораци, заметив, что его упитанный друг все еще обдумывает услышанное.

– Далее, мне довелось услышать от весьма уважаемого человека, – продолжил келиец: – Что Приско отвратно исполняет обязанности начальника стражи...

– Все приказы Биаджо отменил! – Снова взорвался Маббон, для которого любое упоминание о брате являлось весьма болезненным. – Да еще и из тюрем поотпускал разную мразь!

– Вынужден согласиться с достопочтенным Почанни, – улыбнулся корсар. – То, что делает Приско сложно назвать достойной стратегией.

– Мне кажется, это неспроста, – Хоргаль понизил голос, все же в Деусе у любой стены могло найтись несколько ушей. – Что будет, если разбойные банды и толпы нищих затопят город, и станет видно бессилие стражи?

Маббон и Чельзо переглянулись, толстяк пожал плечами, с интересом ожидая продолжения речи, однако Ораци догадался раньше:

– Совет потребует ввести в Деус войска и... – он осекся.

– Истребить всех неугодных, – завершил за него Хоргаль. – А поскольку армией командует Латоне, то вполне возможно, что многие знатные семейства недосчитаются самых видных своих представителей.

– А после этого Нерио Латоне возьмет власть в свои руки, уже никого не опасаясь, – попытожил корсар, задумчиво теребя бородку. – Вопрос в том, как этому помешать?

Ожидавший вопроса, Хоргаль вновь улыбнулся:

– Здесь-то я и напомним о скромной просьбе моего господина, графа Халладена, – сказал он, внимательно следя за обоими собеседниками: – Ему нужна армия Деуса, так почему бы не отправить Нарчизо Латоне в Северный Предел?

– Мысль здравая, – согласился Ораци. – Но, это только отдалит возможный триумф семьи Латоне, а я бы предпочел быть уверенным, что они никогда не добьются своего.

– Как воспользоваться этим временем с пользой – дело ваше, любезный Чельзо, – ответил ему келиец. – Все-таки, отослав одного сына, Нерио может лишиться и второго.

Оба взгляда с интересом уставились на молчащего Маббона, сложившего пальцы в замок на необъятном пузе.

– Думайте что хотите, – пробурчал он. – Но если за смертью моего драгоценного брата стояли Латоне, то Приско не жить. Впрочем, даже если он непричастен, я его все равно убью, хотя бы за то, как он распорядился наследием Биаджо.

Хоргаль понимающе кивнул. По его мнению, за то, что Приско делал в качестве начальника стражи, он уже заслужил смерть, а значит оставалось только подогреть каким-либо образом решимость Маббона, и заняться самой важной частью сложившегося плана – убеждением Совета в необходимости оказать помощь Торасу.

– Скажите мне, господа, – не стал откладывать насущный вопрос келиец. – Каким образом можно расположить к нам Совет? Все же, вам много чаще, нежели мне, выпадает честь общаться с почтенными правителями Деуса.

– Говори проще, – потребовал Чельзо. – Маббон тебя не понимает.

На лице у толстяка действительно застыло отсутствующее выражение, однако явно не из-за недостатка взаимопонимания, а потому, что тот уже вовсю обдумывал, как расправиться с Приско, позабыв об основной цели визита гостя. Винить его в этом Хоргаль не мог, все же для Почанни сейчас на карту были поставлены честь семьи и судьба родины, однако же, для Сейга намного важнее было привести в Северный Предел войска и оплатить их услуги из казны Деуса хотя бы на первое время.

– Кого-то заинтересуют сами рудники, – задумчиво произнес Ораци. – Однако, таких будет немного. Также мы можем сыграть на неприязни советников к семье Латоне, но и здесь рассчитывать на успех довольно сложно.

– Итак, в лучшем случае привлечем двоих-троих, – подвел неутешительный итог Хоргаль. – Так мы результата не добьемся.

– А ты хотел получить все и сразу? Довольно наивно ждать такого в Деусе.

– Я привык добиваться всего, – отрезал келиец, но затем добавил: – Что, конечно, возможно получить.

– Не хотелось бы тебя разочаровывать, – с притворным сожалением ответил корсар. – Но так уж вышло, что ты изначально имеешь весьма мало шансов на успех в этом деле. Будь у меня возможность, я бы поставил на Латоне, но вся беда в том, что старик Нерио как-то назначил награду за мою голову, и этого я ему простить не могу.

– За что назначил? – Поинтересовался Сейг. – Если не тайна.

То, что он застал в апартаментах Маббона влиятельного соперника Латоне, казалось странным совпадением, однако Хоргаль хотелось верить в свою удачу, и потому он цеплялся за любую возможность выжать из Ораци как можно больше помощи.

– Так уж вышло, – развел руками корсар. – У меня выдалось очень неудачное плавание в Келию, большинство моих товаров пришлось продать за смешную цену, и мои ребята вздумали было поднять бунт, захватить корабли и на этом нажиться. Верных парней у меня осталось столько, что я мог их по пальцам пересчитать, причем одной единственной руки. И самым лучшим исходом мне казался тот, где меня высадят на лодке и отпустят, однако Создатель сжалился и буквально в тот момент, когда разъяренная толпа собралась на палубе, я заметил несколько судов, плывущих нам навстречу.

– Вот как, – Хоргаль уже смекнул, чем должна была завершиться эта история. – Они, случаем, не Латоне принадлежали?

– Да, так оно и было, – не стал отпираться Чельзо. – Что поделаешь, мореходство и торговля всегда сопряжены с известным риском. Для меня появление кораблей оказалось спасительным, для них самих – гибельным. Мои парни тут же обнажили оружие, и потребовали, чтобы я вел их в бой, как и положен капитану. Дело понятное, что спорить я не стал, не смотря на все мое почтение к господину Латоне. После весьма кратковременной схватки, к моей небольшой флотилии добавилось еще три корабля, нагруженных товарами. Ума не приложу, как про это прознал Нерио, ведь я велел никого из его людей живыми не отпускать.

– И с тех пор он за тобой охотиться?

– Не совсем, – поправил келийца корсар. – Он обещал за мою голову серебра по ее весу, и я даже несколько раз столкнулся с вооруженными сребролюбцами. Однако, как видишь, голова все еще на плечах, и покидать их не собирается.

– Что же до Нерио, – влез в разговор Маббон, о котором, казалось, забыли. – То спустя месяц, он отменил награду и даже объявил, что прощает Чельзо.

Корсар рассмеялся:

– Прощает! Что ему еще оставалось?! Этот мерзавец осквернил благородное искусство морского боя своими наймитами. Так что, я буду только рад, если увижу, как он рухнет в грязь с высот власти, а уж если мне удастся приложить к этому руку, то мне и другой награды не нужно.

– Вы – человек чести, Чельзо, – с уважением произнес Хоргаль.

– Только, северянин, – снова с издевкой произнес Ораци: – Это не значит, что я откажусь от своей доли за помощь тебе.

– Разве ж я имел в виду что-либо подобное? – Бросил келиец с видом оскорбленного достоинства. – Я лично прослежу, чтобы граф достойно тебя наградил.

– Вот, то-то же, – удовлетворился тот.

Их разговор прервал деликатным покашливанием, более похожим на похрюкивание, Маббон Почанни:

– Однако же, господа, – произнес он, добившись внимания. – Мы все еще не решили, каким образом будем воздействовать на Совет.

– В конце концов, мое слово – не пустой звук в Деусе, – заметил Ораци. – Более того, кое-кто из советников мне задолжал, и будет рад расплатиться любым возможным способом. Кажется, сейчас как раз подошел момент потребовать должок.

– Несомненно... – Хоргаль выдержал паузу, словно пытаясь поймать мысль. – А как часто у вас меняются советники?

– Обычно, только со смертью, – корсар улыбнулся, догадавшись, к чему клонит келиец. – Осталось только решить, кого.

– Мне казалось, Маббон вполне достоин места в Совете, – продолжил Сейг. – так что, надо выбрать кого-либо из сторонников Латоне, и провести выгодную замену.

Услышав предложение Хоргалья, Почанни важно надул щеки:

– Я-то давно ишу возможности попасть в Совет, но это не так просто, даже если кто-нибудь из советников умрет.

– А что мы теряем? – улыбнулся келиец. – В худшем случае Латоне просто лишатся друга, что тоже будет нам на руку.

– Если смотреть с этой точки зрения, то лучшим выходом было бы перерезать всех Латоне разом, – заметил Ораци, вновь пощипывая бороду. – Вот только, сдается мне, что они тоже сложа руки сидеть не станут.

– Именно поэтому я и предлагаю избавиться только от одного, – возразил Хоргаль. – Сделаем так, чтобы это казалось случайным нападением. Все-таки, благодаря Приско, в городе появилось полно негодяев, готовых зарезать за пару монет. А тут целый советник.

– Согласен, – колыхнулись подбородки Почанни.

– Вдвоем, значит, одного меня убеждаете, – устало выдохнул Чельзо. – Ладно, сдаюсь. Будем считать, вы меня уболтали. Жертву я вам подберу, можете не сомневаться. И даже, найду тех, кто согласится заняться таким делом.

– Нам стоит решить все до наступления холодов, – напомнил посланник графа. – Иначе, будет слишком поздно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.